

**МАНИПУЛЯЦИЯ
СОЗНАНИЕМ**

**СЕРГЕЙ
КАРА-
МУРЗА**

**МАНИПУЛЯЦИЯ
СОЗНАНИЕМ.
ВЕК XXI**

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Манипуляция сознанием. Век XXI
Серия «Манипуляция сознанием (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746037
Сергей Кара-Мурз. Манипуляция сознанием. Век XXI: «ТД Алгоритм»; Москва; 2015
ISBN 978-5-9905288-5-7

Аннотация

Книга является переработанным и дополненным юбилейным изданием знаменитого труда Сергея Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием», общий тираж которого достиг 50 000 экземпляров.

Сергей Георгиевич выявляет устройство всей системы манипуляции общественным сознанием – как технологии господства властной элиты. Для России переход к этому новому типу власти означал бы смену культуры, мышления, языка, слом самих основ традиционного общества. В книге подробно описаны главные блоки манипулирования и причины особой уязвимости русского сознания. Принять новый тип власти над человеком или строить защиту от манипуляций – вопрос не только выбора исторической судьбы, но самого выживания русского народа.

Книга рассчитана на массового читателя.

Содержание

Введение	5
Раздел I. Сущность и доктрины Манипуляции сознанием	7
Глава 1. О чем идет речь	7
Глава 2. «Анатомия и физиология» манипуляции сознанием	10
Глава 3. Демократия, тоталитаризм и манипуляция сознанием	21
Глава 4. Основные доктрины манипуляции сознанием	32
§ 1. Технология манипуляции как закрытое знание	32
§ 2. Учение о гегемонии Антонио Грамши	34
§ 3. Психологическая доктрина	38
§ 4. Социодинамика культуры	46
Раздел II. Главные мишени манипуляторов сознанием: знаковые системы	49
Глава 5. Оснащение ума: язык слов	50
§ 1. Магическая сила слов	50
§ 2. Сотворение нового языка	51
§ 3. Манипулятивная семантика	58
Глава 6. Иные знаковые системы	66
§ 1. Язык чисел. Мера	66
§ 2. Язык образов	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Кара-Мурза

Манипуляция сознанием. Век XXI

© С.Г. Кара-Мурза, 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Введение

Эта книга – не руководство по практике манипулирования сознанием и не наставление по защите от манипуляции («самообороне без оружия»). Она носит скорее не технологический, а *методологический* характер. Главная цель книги – дать материал для того, чтобы каждый мог задуматься над тем выбором, перед которым сегодня стоит наша страна и наша культура. Это – не выбор президента, партии или даже политического строя. Речь идет о выборе жизнеустройства (*типа цивилизации*).

Нынешнее время нередко называют «переходным периодом». В этих словах скрыт большой смысл. Переход – между чем и чем? Сегодня мы застряли в пространстве между двумя разными типами жизнеустройства, и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где главным и почти тотальным средством господства станет *манипуляция сознанием*. Это, разумеется, лишь один из множества элементов, определяющих образ жизни, но элемент исключительно важный и многое раскрывающий в сущности всей системы жизнеустройства. Получив об этом элементе хотя бы предварительное знание, мы лучше поймем и целое.

Для освоения этого знания мы довольно хорошо подготовлены эмпирически – в течение последних пятнадцати лет наше общество само было объектом очень интенсивной кампании по манипуляции сознанием. Благодаря этой кампании и удалось произвести огромную по масштабам и глубине *революцию* – осуществить смену общественного строя. Свежий опыт и повседневные наблюдения дают нам достаточно материала, чтобы каждый мог дополнить им краткие рассуждения учебного пособия.

Произведенная в СССР кампания по манипуляции сознанием была исключительно эффективна. Так, всего за два года (с 1989 по 1991 г.) идеологи рыночной реформы сумели внушить рабочим мысль, что приватизация промышленных предприятий и неизбежная при этом безработица соответствуют их интересам. Это выдающееся достижение технологов манипуляции, если учесть, что за эти два года рабочие не получили никакого положительного опыта, который мог бы убедить их в благотворности приватизации и безработицы, и не могли получить никаких логических доводов или хотя бы доводов от здравого смысла. Имело место *внушение*.

Если считать, что мы представляем собой *народ* (то есть связанную общей культурой общность с надличностным разумом и коллективной памятью), то надо признать, что в ходе этой кампании наша народная мудрость почему-то дала осечку. В результате этого сбоя в общественном сознании мы переживаем не только глубокий экономический, но и *культурный* кризис. Преодоление его возможно лишь в том случае, если мы вновь обретем культурную идентичность, овладеем новой ситуацией в нашем духовном пространстве и восстановим присущие нашей национальной культуре координаты для ориентации в вопросах добра и зла.

Для этого требуется понимание тех методов, которыми воздействовали на наше сознание, – и анализ нашего собственного восприятия этих действий. Они называются скучным термином *манипуляция общественным сознанием*. По своим масштабам, затратам, продолжительности и результатам эта программа манипуляции не имеет аналогов в истории. В ходе ее подготовки и выполнения сделано огромное количество находок и даже открытий, накоплено новое важное знание о человеке и обществе, об информации и языке, об экономике и экологии. Прежде чем начать решающие действия в СССР и России, было получено ценное знание по этнографии и антропологии. Мир изменился не только из-за краха СССР. Сама невидимая деятельность по манипуляции общественным сознанием множества народов Земли изменила облик мира и затронула практически каждого жителя планеты. И особенно культурный слой человечества – читателя и телезрителя.

Сегодня мировая пресса полна заявлениями о принципиальной возможности полного контроля над поведением человека, причем с очень небольшими затратами. С другой стороны, множество тех, кто посчитал себя жертвами манипуляции, впали в уныние и уверовали в какое-то тайное оружие, разработанное спецслужбами, в какие-то психотропные средства, с помощью которых политики «зомбируют» людей. Вера в мистическую силу манипуляторов парализует волю, так что «создание» этой веры (путем слухов, статей, «обличений» и «признаний») – само по себе есть важное средство манипуляции общественным сознанием.

Люди, независимо от их идеологии и политических пристрастий, делятся на два типа. Одни считают, что в принципе человек – это большой ребенок, и манипуляция его сознанием (разумеется, «ради его собственного блага») просвещенными и мудрыми правителями – не только допустимое, но и предпочтительное, «прогрессивное» средство. Например, многие специалисты и философы считают, что переход от принуждения, тем более с применением насилия, к манипуляции сознанием – огромный шаг в развитии человечества.

Другие считают, что свобода воли человека, предполагающая обладание незамутненным разумом и позволяющая делать ответственный выбор (пусть и ошибочный) – огромная ценность. Эта категория людей отвергает законность и моральное оправдание манипуляции сознанием. В пределе, эта часть граждан считает физическое насилие менее разрушительным (если и не для индивидуума, то для рода человеческого), чем «зомбирование», роботизация людей.

Эти две позиции определяются ценностями, идеалами человека. Значит, спорить о том, какая из этих позиций правильнее и лучше, бесполезно. Это все равно что спорить, что важнее – душа или тело. Рационально и даже логично можно рассуждать о том, какие последствия для общества и личности повлечет за собой превращение той или иной идеальной позиции в политическую доктрину. Влияет ли на жизнь человека воплощение этой доктрины в жизнь линейно – или это влияние имеет критические пороговые уровни. То есть допустима ли «манипуляция в разумных пределах» или признание ее как оправданного средства управления означает перескок в качественно иное общество.

Поэтому в книге, которая предлагается читателю как матрица для рефлексии и диалога, мы постараемся избежать обвинений и оценки идеалов. Будем говорить о делах – их можно и нужно оценивать с позиций совести, поскольку они затрагивают жизнь людей. Но и скрывать свои установки бесполезно и даже вредно. Поэтому предпочитаю предупредить, что книга написана с позиций неприятия манипуляции и общественным, и личным сознанием. Я уверен, что на этом пути человека ждет беда – истощение культуры и угасание всего рода человеческого, включая касту жрецов, сидящих у пульта манипулирующей машины.

Но это – в туманной дали, об этом лучше читать у Достоевского. Мы же поговорим о вещах явных и осязаемых – о той технологии манипуляции сознанием, которая сложилась в наше время и которая была применена и применяется против обычных граждан во множестве стран.

Раздел I. Сущность и доктрины Манипуляции сознанием

Глава 1. О чем идет речь

Ограничим предмет нашего разговора, идя от общего к частному.

В живой природе человек – качественно новое явление. Он – не просто социальное существо, которое может существовать, только интенсивно обмениваясь информацией с себе подобными (таков и муравей). Он обладает *разумом*, способным к абстрактному мышлению, и *языком*. Язык и мышление – большие сложные системы, на которые можно воздействовать с целью программирования *поведения* человека. Человек обладает сложной психикой, важной частью которой является *воображение*. Оно развито настолько, что человек живет одновременно в двух измерениях, в двух «реальностях» – действительной и воображаемой. Воображаемый мир в большой степени (а у многих и в первую очередь) определяет поведение человека. Но он зыбок и податлив, на него можно воздействовать извне так, что человек и не заметит этого воздействия.

В общем, человек живет не только в объективно существующем физическом мире, но и в искусственно созданной им так называемой *ноосфере* – мире, созданном сознательной деятельностью рода человеческого. Сужая понятие, можно сказать, что человек живет в искусственно созданном мире *культуры*.

Таким образом, все живые существа воздействуют на поведение тех, с кем они сосуществуют в своей экологической нише, используя природные объекты и программы, записанные природой в виде инстинктов. Но человек в дополнение к этому воздействует на поведение других людей, оказывая влияние на сферу культуры.

Разумеется, можно программировать поведение человека и путем непосредственного внешнего воздействия на его *биологические* структуры и процессы. Например, вживив электроды в мозг и стимулируя или блокируя те или иные управляющие поведением центры. При некоторой технической изощренности можно даже не вживлять электроды, а воздействовать на высшую нервную систему человека на расстоянии – с помощью физических полей или химических средств.

В свое время вызвали интерес опыты Хосе Дельгадо в университете Атланты (США), которые потом были засекречены. Там испытывали так называемый «телестимулятор мозга». На электроды, вживленные в мозг обезьяны, сигнал подавался на расстоянии, с помощью радиопередатчика. По своему желанию экспериментатор мог вызывать у животного *желания* и *эмоции* – аппетит, страх, агрессивность и т. д. Более того, это можно было делать с помощью снабженной передатчиком ЭВМ – поведение «*программировалось*» в буквальном смысле слова.

И в прошлом, и сейчас, применяют и воздействие на поведение человека с помощью грубого *хирургического* вмешательства в его организм. В США долгое время широко использовалось лоботомирование – хирургическое удаление некоторых центров в лобной части головного мозга, после чего беспокойный человек утрачивает мятежный дух и становится всем довольным (кто-то наверняка смотрел фильм М.Формана «Пролетая над гнездом кукушки»).

Существенная доля женщин в бедных странах (а сегодня, в момент тяжелого культурного кризиса, и в бывшей ГДР) добровольно подвергается стерилизации. Это сильно меняет и психическую сферу, и некоторые стороны поведения. Еще недавно во многих странах

видное место в обществе занимали евнухи. Кастрированные мужчины в некоторых важных вопросах также ведут себя вполне предсказуемо¹.

В этой книге мы не будем обсуждать ни применение электродов в «коррекции» поведения, ни лоботомирование, ни воздействие психотропными лучами или газами. Все это, по нашим меркам, является преступным вмешательством в организм человека и, надо надеяться, в ближайшие годы открыто и в массовом масштабе использоваться не будет. А если эти средства и будут применяться, это рано или поздно вскроется и какое-то возмездие преступников настигнет. История дает в этом отношении основания для оптимизма.

Конечно, бдительность необходима. Энтузиастов с тоталитарным мышлением хватает под любым знаменем, даже демократическим. В своей уверенности, будто им дано право искоренять пороки «отсталых» народов, они легко скатываются до идеи биологической переделки «человеческого материала». Ставший видным идеологом врач Н.Амосов писал в 1992 г.:

«Исправление генов зародышевых клеток в соединении с искусственным оплодотворением даст новое направление старой науке – евгенике – улучшению человеческого рода. Изменится настроенное отношение общественности к радикальным воздействиям на природу человека, включая и принудительное (по суду) лечение электродами злостных преступников... Но здесь мы уже попадаем в сферу утопий: какой человек и какое общество имеют право жить на земле».

Эти помыслы выражают тайное желание элиты иметь население, которое вело бы себя именно так, как выгодно, удобно и приятно именно ей, элите. Но мы, повторяю, не будем говорить ни о планах «улучшения человеческого рода» и лечении по суду электродами, ни о воздействии психотропными лучами.

Наш предмет – простая и реально существующая вещь, ставшая неотъемлемой частью нашей жизни в культуре. Это *манипуляция сознанием и поведением человека* с помощью законных и поддающихся изучению средств. Она представляет собой *технологию*, которую используют согласно своим служебным обязанностям и за небольшую зарплату сотни тысяч профессиональных работников – независимо от их личной нравственности, идеологии и художественных вкусов. Это – та технология, которая проникает в каждый дом и от которой человек в принципе не может укрыться. Но он может изучить ее инструменты и приемы, а значит, создать свои индивидуальные и коллективные «средства защиты».

Получение *знания* об инструментах и приемах манипуляции сознанием является правом человека в мало-мальски демократическом обществе. Систематизация и распространение этого знания являются моральным долгом образованного человека и гражданина. Если такое знание станет доступным для достаточно большого числа людей, то станут возможны и совместные действия по защите против манипуляции, то есть более широкая реализация демократических прав и свобод человека.

Конечно, манипуляторы будут изобретать новые инструменты и новые приемы. Но это уже будет нелегкая и дорогостоящая борьба, а не подавление безоружного и беззащитного населения. И это будет борьба ничтожного меньшинства (хотя и обладающего деньгами и организацией) против огромной массы творчески мыслящих, изобретательных людей. Сам переход к борьбе будет означать важный поворот в судьбе нашего общества, а может быть, и всего человечества.

Знание о том, как посредством манипуляции сознанием одни люди воздействуют на поведение других, накапливается и в науке, и в художественном творчестве, и в обыденном

---

¹ И речь идет не только о «тиранических обществах Востока». На Западе с его священными правами человека совсем недавно, в XX веке, кастрировали множество мальчиков с хорошим голосом – ради поддержания культуры вокала. Там и сегодня еще можно услышать прекрасное пение знаменитых сопрано-кастратов (кстати, стыдливость европейски образованного человека доходит до того, что большинство каким-то образом забыло, что само слово *сопрано* означает «кастрат»).

опыте. Наука, которая обязана изучать реальность беспристрастно и нейтрально, не давая никому моральных оценок, в основном описывает структуру самого процесса манипуляции, ее технику, ее приемы и системы приемов. Это – *технологический* подход.

Литература, театр, кино копаются в душе человека, исследуют мотивы поступков, истоки доверчивости жертв манипуляции, угрызения совести манипуляторов – все это через призму *нравственных* норм той или иной культуры. Описывая внутренний мир всех участников акта манипуляции сознанием, художники порой создают сложные модели, которые потом надолго становятся уже предметом научных исследований. В «Братьях Карамазовых» Достоевский «расщепил» душу человека, представив каждую ее часть в виде отдельного участника сложного конфликта. Есть даже теория, что именно в совокупности всех членов семьи Карамазовых Достоевский представил душу человека. И ее свято-звериный характер, и изощренный, противоречивый ум, и жажду испытать всю низость падения, и соблазн предательства.

В художественном творчестве талант художника состоит именно в том, чтобы не выпячивать модель («мораль») слишком сильно. Чтобы «эксперимент», который ставит писатель над своими героями, не был надуманным, искусственным. Высшее достижение этого жанра, видимо, – убийство отца Карамазова. Это – *experimentum crucis* (критический эксперимент), поставленный и описанный Достоевским с удивительным мастерством. Недаром он освещается в литературе по истории и методологии науки. Но вообще произведения, посвященные тонкому воздействию на поведение человека, составляют очень большую часть литературы.

Отдельно сложился *синтетический* подход – описание конкретных случаев, наблюдаемых или вымышленных (*case studies*). В них реальность «вычищается» не слишком сильно, так что описание убеждает наличием жизненных деталей, но в то же время модель просвечивает достаточно сильно. Поэтому в завершение рассказа о модельном случае можно сделать довольно определенный вывод, и логика его понятна читателю.

Литература по новейшей истории полна описаниями того, как «партия Наполеона» во Франции приводила молодого генерала к власти – так, чтобы влиятельные социальные силы буквально умоляли его эту власть принять. Недавно, почти на наших глазах, идеологи Запада провели блестящую кампанию по манипуляции общественным сознанием в Европе, убедив свой средний класс поддержать Мюнхенские соглашения и «разрешить» Гитлеру поход на Восток (хотя в тот момент остановить его не составляло труда – речь шла именно о разрешении или запрещении). Эта кампания также описана как «модельный случай». После Второй мировой войны усиленно изучаются все местные гражданские войны и национальные конфликты, выявляя в каждом случае технологию манипуляции общественным сознанием. «Бархатные революции» и перестройка в СССР дали обществоведам всего мира материала на сотню лет. Один «август 1991 года» уже перекрыл по главным параметрам самые блестящие провокации в истории.

В этой книге мы не будем следовать какому-то одному подходу, а постараемся выбрать полезные для нас идеи и сведения из запаса готового знания и применить их, как в практике, для анализа тех слов и дел, которые нам приходится слышать, видеть и терпеть в нашей реальной жизни.

Глава 2. «Анатомия и физиология» манипуляции сознанием

Человек – существо социальное. *Только боги и звери могут жить вне общества* (Аристотель). Индивидуум – это абстракция, которая сложилась в XVII веке при возникновении современного западного общества. Само латинское слово *ин-дивидуум* есть перевод греческого слова *а-том*, что по-русски означает *неделимый*. На практике миф об индивидууме неосуществим, человек возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием. Ребенок, воспитанный дикими животными (такие случаи известны и изучены), не становится красавцем Маугли. Он – не человек и выжить не может. Не становится человеком даже ребенок, надолго изолированный матерью от других людей.

Заложенная в нас *биологически* программа поведения недостаточна для того, чтобы мы были людьми. Она дополняется программой, записанной в знаках *культуры*. И эта программа – коллективное произведение. Значит, наше поведение всегда находится под воздействием других людей, и защитить себя от этого воздействия каким-то жестким барьером мы в принципе не можем. Какой же вид воздействия на наше поведение, во всем огромном спектре воздействий, мы определим как *манипуляцию*?

Само это слово имеет *отрицательную* окраску. Им мы обозначаем то воздействие, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы, согласно последующей оценке, оказались в проигрыше. Если приятель на ипподроме уговорил вас поставить на лошадь, которая пришла первой, то, получая в кассе выигрыш, вы не скажете: «Он мной манипулировал». Нет, он дал вам дельный совет.

С другой стороны, не всякое воздействие, подчинясь которому вы оказались в убытке, вы назовете манипуляцией. Если в темном переулке вам приставили нож к животу и шепнули: «Деньги и часы, быстро», то ваше поведение очень эффективно программируется. Но обозвать незнакомца манипулятором в голову не приходит. Какой же смысл мы вкладываем в это понятие?

Само слово «манипуляция» имеет корнем латинское слово *manus* – рука (*manipulus* – пригоршня, горсть). В словарях европейских языков слово толкуется как обращение с объектами с *определенной целью* (например, ручное управление, освидетельствование пациента врачом с помощью рук и т. д.). Имеется в виду, что для таких действий требуется *ловкость* и сноровка. В технике те приспособления для управления механизмами, которые как бы являются продолжением рук (рычаги, рукоятки), называются манипуляторами.

Отсюда произошло и современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как *скрытое* управление или обработка». Изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, *не раскрывая характер поведения, которого он от них ожидает*».

Одной из первых книг, прямо посвященных манипуляции сознанием, была книга социолога из ФРГ Герберта Франке «Манипулируемый человек» (1964). Он дает такое определение: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама».

Подчеркнем два важнейших признака манипуляции сознанием как способа программирования поведения людей – ловкость и скрытность. Так, что человек даже не должен

знать, какого именно поведения хочет достичь от него манипулятор. Эти признаки сразу резко ограничивают понимаемый как манипуляция набор способов управления.

Таким образом, термин «манипуляция» есть *метафора* и употребляется в переносном смысле: ловкость рук в обращении с вещами перенесена в этой метафоре на ловкое управление людьми (и, конечно, уже не руками а специальными «манипуляторами»). Метафора манипуляции складывалась постепенно. Важным этапом в ее развитии было обозначение этим словом фокусников, работающих без сложных приспособлений, руками («фокусник-манипулятор»). Искусство этих артистов основано на свойствах человеческого *восприятия и внимания* – на знании *психологии* человека. Своих эффектов фокусник-манипулятор добивается, используя психологические *стереотипы* зрителей, отвлекая, перемещая и концентрируя их внимание, действуя на воображение – создавая *иллюзии восприятия*. Если артист владеет мастерством, то заметить манипуляцию очень трудно, хотя дошлые скептики смотрят во все глаза.

Именно когда все эти принципы вошли в технологию управления поведением людей, возникла метафора манипуляции в ее современном смысле – как программирование *мнений и устремлений* масс, их *настроений* и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции.

Если выписать те определения, которые дают авторитетные исследователи манипуляции, то можно выделить ее главные, родовые признаки. Во-первых, это – вид *духовного*, психологического воздействия (а не физическое *насилие* или угроза насилия). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности.

Во-вторых, манипуляция – это *скрытое* воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. Один из ведущих специалистов по американским средствам массовой информации профессор Калифорнийского университета Г.Шиллер замечает: «Для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Короче говоря, для манипуляции требуется *фальшивая действительность*, в которой ее присутствие не будет ощущаться».

Эту «фальшивую действительность» создают СМИ. Они являются ретранслятором *авторитетных мнений*, которые усваиваются людьми, а затем воспринимаются ими как свои собственные выводы. Э.Фромм в книге «Бегство от свободы» различает как две качественно разные категории мысли, которые являются продуктом самостоятельного мышления, и усвоенные чужие мысли. Он пришел к такому выводу: «На самом деле людям кажется, что это они принимают решения, что это они хотят чего-то, в то время как в действительности они поддаются давлению внешних сил, внутренним или внешним условиям, и «хотят» именно того, что им приходится делать».

Если попытка манипуляции вскрывается и разоблачение становится достаточно широко известным, акция обычно свертывается, поскольку раскрытый факт такой попытки наносит манипулятору значительный ущерб. Еще более тщательно скрывается главная цель – так, чтобы даже разоблачение самого факта попытки манипуляции не привело к выяснению дальних намерений. Поэтому сокрытие, утаивание информации – обязательный признак, хотя некоторые приемы манипуляции включают в себя игру в искренность, когда манипулятор рвет на груди рубаху и пускает по щеке скупую мужскую слезу.

В-третьих, манипуляция – это воздействие, которое требует значительного *мастерства и знаний*. Встречаются, конечно, талантливые самородки с мощной интуицией, способные к манипуляции сознанием с помощью доморощенных средств. Но размах их действий невелик, ограничивается личным воздействием – в семье, в бригаде, в роте или банде. Если же речь идет об общественном сознании, о политике, хотя бы местного масштаба, то, как правило, к разработке акции привлекаются специалисты или хотя бы специальные зна-

ния, почерпнутые из литературы или инструкций. Поскольку манипуляция общественным сознанием стала *технологией*, появились профессиональные работники, владеющие этой технологией (или ее частями). Возникла система подготовки кадров, научные учреждения, научная и научно-популярная литература. Правда, Нобелевской премии в явном виде в этой области пока что не учредили (хотя некоторые лауреаты Нобелевской премии мира или по литературе должны были бы идти по разряду манипуляторов сознанием).

Еще один важный, хотя и не столь очевидный, признак состоит в том, что к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода *вещам*. Манипуляция – это часть *технологии власти*, а не воздействие на поведение друга или партнера. Влюбленная женщина может вести очень тонкую игру, воздействуя на психику и поведение мужчины, чтобы разбудить ответные чувства. Если она умна и терпелива, то до определенного момента она проводит свои маневры скрытно, и ее намерения «жертва» не обнаруживает. Это – *ритуал* любовных отношений, конкретный образ которого предписан каждой культурой. Если речь идет об искренней любви, мы не назовем это манипуляцией. Иное дело – если хитрая бабенка решила окрутить простофилю.

Не включаем мы в понятие манипуляции и *этикет* – воздействие на поведение окружающих с помощью иносказаний и умолчаний, языка знаков, понимаемых только в данной культуре. Если человек понимает знак, то смысл обращения ему ясен и намерения того, кто «воздействует на его поведение», для него секрета не составляют. Если англичанин спрашивает знакомого англичанина: «How do you do?» («Как вы поживаете?»), тот отвечает тем же вопросом, и они переходят к делу. А русский, как шутят англичане, в ответ на этот вопрос-приветствие начинает рассказывать, что у него жена заболела и сын, паршивец, стал плохо учиться.

Когда человек обращается к другому с использованием приемов этикета повышенного ранга (например, утонченно вежливо), он, конечно, стремится повлиять на поведение партнера в свою пользу. Но это – не манипуляция, поскольку здесь не скрываются ни факт воздействия, ни намерения. Напротив, знаковый язык должен быть понятен, иначе попытка воздействия и не может быть удачной². Без этикета и условностей жить в обществе невозможно. Но, применяя правила этикета, мы вовсе не обращаемся с человеком как с вещью, мы его уважаем как личность. Этот вид «наш возвышающего обмана» мы в понятие манипуляции не включаем.

Да и вообще, простой обман, будучи одним из важных *частных* приемов во всей технологии манипуляции, сам по себе составить манипулятивное воздействие не может. Лисица, выманивая сыр у Вороны, даже не может быть названа обманщицей. Она же не говорит ей: брось, мол, мне сыр, а я тебе брошу сырокопченой колбасы. Она просит ее спеть. Ложная информация, воздействуя на поведение человека, нисколько не затрагивает его духа, его намерений и установок. Поэтому, например, понятие манипуляции неприменимо к младенцам, поскольку они не могут принимать самостоятельных решений и ощущать себя ответственным субъектом. Е.Л.Доценко в книге «Психология манипуляции» (М, 1996 г.) поясняет: «Например, кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы его направляем ложно на Пинск – это лишь обман. Манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собирался идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск».

В книге Г.Франке «Манипулируемый человек» подчеркивается эта особенность манипуляции как психического воздействия: «Оно не только побуждает человека, находящегося

---

² Когда в Китае на дороге встречались процессии двух мандаринов, им предстояла долгая и сложная церемония взаимных приветствий. Если времени на это не было, то выслались вперед представители обеих сторон и они по обоюдному согласию договаривались, что обе свиты сделают вид, что не замечают друг друга. И процессии с носилками расходились по узенькой дорожке, а сановники свиты прикрывали лицо веером.

под таким воздействием, делать то, чего желают другие, оно заставляет его *хотеть* это сделать».

Отсюда становится ясной довольно неприятная сторона дела. Всякая манипуляция сознанием есть *взаимодействие*. Жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как ее соавтор, соучастник. Только если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели – и начинает действовать по новой программе – манипуляция состоялась. А если он усомнился, уперся, защитил свою духовную программу, он жертвой не становится. Манипуляция – это не насилие, а *соблазн*. Каждому человеку дана свобода духа и свобода воли. Значит, он нагружен ответственностью – устоять, не впасть в соблазн. Один из надежных признаков того, что в какой-то момент осуществляется большая программа манипуляции сознанием, состоит в том, что люди вдруг перестают внимать разумным доводам – они как будто желают быть одураченными. Уже А.И.Герцен удивлялся тому, «как мало можно взять логикой, когда человек не хочет убедиться».

Для обсуждения нашей темы главную трудность создает та сторона манипуляции сознанием, которую мы обозначили как «скрытность», да еще при наличии мастерства и ловкости. Профессиональные манипуляторы, как и фокусники, своих секретов не раскрывают и в свои творческие лаборатории посторонних не допускают. Таким образом, действительный смысл слов и дел авторов и исполнителей важных акций по манипуляции всегда тщательно скрыт, и требуется специальная работа по его выявлению. Мы вынуждены *исследовать* интересующие нас случаи и ситуации.

Выявление реального смысла в словах и действиях людей, которые стремились этот смысл скрыть, есть *интерпретация*, толкование. Подходя к таким высказываниям или фактам как к объекту исследования, мы должны с самого начала принять, что предлагаемый нам явно смысл слов и действий есть лишь *одна из возможных версий*. И на этом первом этапе она не имеет никаких преимуществ перед другими возможными версиями, которые мы обязаны построить сами, без подсказки. То есть к любым словам и делам политиков и их идеологов мы должны подходить, как следователь, выслушивающий первое объяснение подозреваемого. В этом нет никакого нарушения презумпции невиновности – ни следователь, ни мы не отбрасываем возможности того, что выслушанная версия истинна, не называем ее автора обманщиком. Но мы и не принимаем ее сразу за истину. Мы хотим *установить* истину.

Первое условие успешной манипуляции заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев подавляющее большинство граждан не желает тратить ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы просто *усомниться* в сообщениях. Пассивно окупаться в поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал. На это никаких сил не хватит, если человек не овладел, до автоматизма, некоторым набором контролирующих «умственных инструментов», которые как бы сами собой, без усилий сознания и воли, анализируют информацию по одному признаку: есть ли в ней *симптомы* манипуляции. Так опытный шофер может работать целый день не уставая, потому что его руки и ноги отвечают на все сигналы о состоянии машины и дороги автоматически. Он не думает: «Что я буду делать, если тот малахольный тип, что покачивается на тротуаре, вдруг шагнет на проезжую часть?». Если будет надо, у такого шофера и руль будет повернут, и тормоз приведен в действие без напряженной работы мозга.

Так и человек, поднаторевший в том, чтобы искать разные смыслы слов и действий, сразу замечает сообщения, в которых есть симптомы наличия важного скрытого смысла – «уши торчат». При этом у него развито чувство меры. Ведь скрытый смысл есть во всех словах и всех действиях, потому так богата ткань человеческого общения. Но опытный человек «фильтрует» сообщения, выделяя те, которые превышают его порог «нюха на манипуляцию». Выработать правильный порог раздражения – условие победы в маленьких боях на

этом невидимом фронте. Так глаз умелого шофера сразу отмечает даже в толпе малахольных типов, которые способны броситься под колеса. А всех остальных его глаз не фиксирует, отбрасывает – они «ниже» порога раздражения.

Разделим два вопроса. Одно дело – засечь то сообщение, из которого торчит слишком много «лапши», приготовленной, чтобы навесить вам на уши. Другое дело – быстро выстроить правдоподобные версии истинного замысла того повара, что эту лапшу готовил. Между этими задачами – дистанция огромного размера. Вторая намного сложнее, и если уж ею заниматься, этому придется посвятить много сил и времени. Хороший интеллектуальный спорт, но дорогой. Для обычной жизни этого не требуется. Достаточно решить первую задачу – чують подвох и просто не верить таким сообщениям, не пытаюсь разгадать, а что же в действительности задумали манипуляторы. Если на вас бежит собака с помутненными глазами, которая шатается, а изо рта течет пена, то прежде всего надо посторониться. Решить, чем она больна и какие у нее в слюне микробы, непросто. Это можно оставить профессионалам и любителям, а вот посторониться важно каждому.

Когда пресс-секретарь Н.Степашина, шефа ФСК, заявляет с окраины захваченного боевиками села Первомайского, что все заложники боевиками убиты и можно начинать массированную бомбардировку села, непросто понять, что за этим кроется. Ведь назавтра оказывается, что ни одного заложника не убито, зато все до одного боевики вышли из окружения («босиком»). Каков истинный смысл этой легенды и этих действий? Понять трудно, но признаков того, что все это – часть политического спектакля, вполне достаточно.

Наука создала интеллектуальные инструменты, полезные для человека, который строит защиту против манипуляции. И даже не просто инструменты, а целый методологический подход, который называется *герменевтика*. В исходном смысле герменевтика (от греческого слова «разъясняю») – наука о толковании текстов.

Герменевтика имеет также прямое отношение к *герметизму* – религиозно-философскому учению, сложившемуся в эпоху античности. Герметизм означает *закрытость* (отсюда герметичность). Смысл понятия уходит к легендарному мудрецу Гермесу Трисмегисту («Трижды Величайшему»), магу и астрологу, основателю алхимии. Герметизм оказал большое влияние на мистическую традицию Средневековья и Возрождения, заложил основы оккультных учений Запада. В текстах, написанных в традиции герметизма, смысл передается с помощью сложной символики, доступной только посвященным. Трактаты алхимиков невозможно понять, не зная этой символики. Такие тексты приходится расшифровывать – интерпретировать. Этим и занимается герменевтика.

Эта наука и возникла уже в эпоху эллинизма для изучения и толкования старых текстов (например, Гомера). Кстати, уже тогда и в связи со слепотой Гомера было сказано о трудности правильно истолковать слова, если нет возможности самому увидеть, о чем идет речь. Гераклит писал: «Обмануты люди в познании видимого, подобно Гомеру. А он был всех эллинов мудрее! Именно, провели и его мальчишки, убивая вшей и приговаривая: все, что увидели и взяли, – кинули, а чего не видим и не берем, – это носим». Речь идет о шутке в одном из гимнов Гомера. Он вспоминает, как обратился к мальчишкам-рыбакам с острова Хиос: «Рыбаки-аркадцы, какой улов?» А они отвечают: «Все, что выловили, бросили, а то, что не выловили, уносим»³.

В Средние века главным предметом герменевтики стало Священное писание. Европа наполнилась богословами, которые вели нескончаемые диспуты и порождали еретические толкования. В эпоху Возрождения герменевтика стала важным приемом в зарождающихся

---

³ К этой проблеме возвращается и Ницше, вспоминая шутку о рыбаках. Но он смотрит на дело мрачнее, чем Гераклит: «Что требует самых основательных, самых упорных доказательств, так это очевидность. Ибо слишком многим недостает глаз, чтобы видеть ее».

«общественных науках». Ее активно применял Никколо Макиавелли – политик и мыслитель, заложивший основы нового учения о государстве. Для нашей темы он особенно важен потому, что первым из теоретиков государства заявил, что власть держится *на силе и согласии* («макиавеллиевский кентавр»). Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию согласия подданных. Поэтому само явление манипуляции сознанием долго, вплоть до недавнего времени обозначалось словом *макиавеллизм*. Считается, что в области политической философии Макиавелли предвосхитил деятельность якобинцев в Великой французской революции, которые осуществили грандиозную по своим масштабам манипуляцию массовым сознанием.

Нынешние исследования показали, что труды Макиавелли о государстве, которые воспринимались как исключительно оригинальные, есть плод его «герменевтических» изысканий старых авторов. Он по-новому «переписал» некоторые работы Платона, Теренция, Ливия и Данте, а также свои собственные. В XX веке Антонио Грамши обдумывал большой план – «переписать» книгу Макиавелли «Государь» с высоты нового опыта.

В своих откровениях Макиавелли высказал вещь, важную непосредственно для нашей темы: слова политиков *всегда* нуждаются в истолковании. Он заострил этот вопрос до предела, признавшись в одном письме от 17 мая 1521 г.: «Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю ее такой ложью, что ее трудно обнаружить».

В XIX веке герменевтика стала общеполитическим методом и расширила круг объектов. Она стала претендовать на то, чтобы научиться «вживаться» в текст так, чтобы «понять его смысл лучше, чем сам его автор». С помощью герменевтики историки пытались восстановить, реконструировать дух культуры и смысл событий прошлых эпох. Подходом герменевтики пользовались и пользуются крупные философы нашего времени (Хайдеггер, Хабермас, Фуко).

Более того, философы предупредили нас, что и гуманитарное знание (которое у нас по ошибке иногда называют *научным*) нуждается в истолковании, так как главное в нем вырастает из недосказанного. В своей книге о Канте (1929 г.) Хайдеггер заявил: «Вообще говоря, то, что должно стать решающим в любом философском знании, содержится не в высказываемых предположениях, но в том, что, хотя и не проговаривается как таковое, предстает нашему взору через эти предположения».

Герменевтику широко используют в «археологии знания» – поиске истинных смыслов тех главных *понятий*, которые лежат в основе современной цивилизации Запада (например, дух и тело, индивидуум, свобода, деньги, недвижимость, преступность и т. д.). Эта «археология» раскапывает совершенно поразительные, неведомые нам смыслы (и, кстати, позволяет нам понять, в чем реально заключается различие нашей страны и Запада как двух культур, двух цивилизаций).

Особое место занимает герменевтика в той части философии, которая занята критикой *идеологии* как главного средства господства и социальной власти в современном мире. Понятно, что язык идеологии, созданной как замена религии в атеистическом обществе промышленной цивилизации, для того и служит, чтобы внедрять в сознание скрытые смыслы. Поэтому для герменевтики всякий идеологический текст является прекрасным полем приложения сил. Здесь мы уже вплотную приближаемся к нашей проблеме.

Сегодня сфера действия герменевтики как научного подхода резко расширилась. Слово (и текст) стали рассматривать лишь как частное выражение более широкого понятия – *знака*. Все мы знаем, что передаваемая информация может воплощаться в самых разных знаковых системах. Платье, поза, жест могут быть красноречивее слов, это – «невербальные тексты». По оценкам американских психологов (Дж. Руш), язык жестов насчитывает 700 тысяч четко различимых сигналов, в то время как самые полные словари английского языка содержат

не более 600 тысяч слов. Признанный мастер пропаганды Муссолини как-то сказал: «Вся жизнь есть жест». А ведь помимо жестов есть множество других знаковых систем.

Поэтому в принципе мы всегда должны интерпретировать, истолковать любое сообщение, в какой бы знаковой системе оно ни было «упаковано». Бывает, даже при толковании, казалось бы, прозрачных и общепринятых знаков бывают досадные ошибки. Как горевала на базаре торговка, у которой вор вытащил спрятанный на груди кошелек! Она, видишь ли, думала, что он полез «с добрыми намерениями». А теперь плачет, как русский народ после приватизации общенародной собственности. Так что в общем случае герменевтикой можно считать всякую науку, изучающую интерпретацию, то есть «выявление скрытого смысла в смысле очевидном».

Наш объект – особая деятельность, манипуляция общественным сознанием. Каковы главные знаковые системы, к которым мы можем приложить инструменты герменевтики? Самыми главными для нашей темы можно считать сообщения, «упакованные» в *словах*, вербальные тексты (печатные тексты, речи, радио- и телепередачи). Сюда же относятся не менее важные, чем слова, элементы текста – промежутки между словами, *паузы*. А в политике это не менее важные сообщения, чем то, что выражено словами. Главное у политиков, манипулирующих сознанием, часто заключено в *молчании*, а слова – это отвлекающая «стрельба».

Очень важны смыслы, скрытые в *образах* (картины, фотографии, кино, театр и т. д.). Разумеется, эффективнее всего действуют комбинации знаковых систем, и при наличии знания и искусства можно достичь огромного *синергического* (кооперативного) эффекта просто за счет соединения «языков», о чем мы поговорим ниже.

Наконец, истолкованию должны подвергаться также *действия*. Если политик с огромным опытом и интуицией в важной зарубежной поездке выходит из самолета и на виду у всей высокопоставленной публики, которая встречает его с цветами, мочится на колесо шасси, – как это надо понимать? Очевидный смысл, который подсовывается простодушным противникам этого политика, прост. Ах он, такой-сякой, хам некультурный, не мог дотерпеть до туалета! Но этот видимый смысл на самом деле «смысла не имеет». В такого рода поездках целая куча режиссеров и психологов продумывает каждый жест, каждое движение. Действие, о котором мы упомянули, – это целый ритуал (надо признать, что новаторский), который несет в себе несколько слоев скрытых смыслов. И всякий человек, который не увидел здесь холодного расчета, подпал под обаяние этого ритуала, как бы он им ни возмущался.

Любой жест, любой поступок имеет кроме очевидного, видимого смысла, множество подтекстов, в которых выражают себя разные ипостаси, разные «маски» человека. Общение людей – непрерывный театр, а иногда карнавал этих масок – «персон». Вспомним, кстати, что латинское слово персон происходит от названия маски в античном театре и буквально означает «то, через что проходит звук» (*per* – через, *sonus* – звук). У этих масок рот делался с раструбом, чтобы усиливать звук.

Вообще, действия, тем более необычные и сложные, можно уподобить текстам, написанным с недомолвками и иносказаниями на не вполне понятном языке. Видный специалист по герменевтике П. Рикер писал о действии как аналоге текста: «Как и в сфере письма, здесь то одерживает победу возможность быть прочитанным, то верх берет неясность и даже стремление все запутать».

Очень трудно правильно понять смысл сообщений, облеченных в слова и действия людей иной культуры. Апостол Павел в Послании коринфянам писал: «Говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования». Писатель Курт Воннегут, которого мучила проблема «некоммуникабельности», в одном из своих романов-притч («Завтрак для чемпионов») приводит сюжет рассказа своего героя – сумасшедшего писателя-фантаста:

«Существо по имени Зог прибыло на летающем блюде на нашу Землю, чтобы объяснить, как предотвращать войны и лечить рак. Принес он эту информацию с планеты Марго, где язык обитателей состоит из пуканья и отбивания чечетки. Зог приземлился ночью в штате Коннектикут. И только он вышел на землю, как увидел горящий дом. Он ворвался в дом, попукивая и отбивая чечетку, то есть предупреждая жильцов на своем языке о страшной опасности, грозящей им всем. И хозяин дома клюшкой для гольфа вышиб Зогу мозги».

Найти важный жест, который был бы правильно понят, – большое искусство. Вот – поцелуй. Кажется, истоки этого жеста куда как естественны, природны. Разве не наше биологическое естество к нему побуждает? Но нет, это тоже – феномен культуры. Японцам европейский поцелуй был неведом, а когда узнали, то долго был противен. На Кубе попытки Хрущева облобызать Фиделя Кастро вызвали шок и породили массу язвительных шуток. Миклухо-Маклай отправился один в воинственное племя папуасов. Придя в деревню, все жители которой тут же попрятались, он сел, разулся и заснул. Этот жест убедительно выразил его миролюбивые намерения.

Вообще, в приложении к человеку слово *естественный* («природный», «заложенный в генах» и т. п.) – в большинстве случаев не более чем метафора. Ее часто используют политики, чтобы придать видимость бесспорной, вытекающей из «законов природы» аргументации своим утверждениям (пример: «при коллективизации уничтожили кулаков, и потому произошло генетическое вырождение советского народа»). На самом деле человек – существо исключительно пластичное, и усвоенные им нормы культуры так входят в его «естество», что влияют даже на физиологию. Они действительно начинают казаться чем-то природным, биологически присущим человеку – и он свои сугубо культурные особенности, отсутствующие в других культурах, начинает искренне считать «общечеловеческими», единственно правильными.

Даже в рамках одной большой культуры истолкование слов и поступков людей иного круга, иного сословия (другой субкультуры) – непростая задача. Каков же главный принцип герменевтики, на чем основано толкование текстов или событий? На том, что слово или жест встраиваются в их *контекст*. Уже текст, от латинского слова «ткань», «связь» (отсюда *текстура*) есть общность мыслей и слов, сцепленная множеством связей, часть из которых скрыта, невидима. А контекст – гораздо более широкая общность, в которую вплетен текст, и вплетен связями уже в основном скрытыми. И уровень нашего понимания текста зависит от того, как глубоко и широко мы смогли эти связи уловить. А значит, увидеть в тексте выражение сложной и невидимой действительности. М.М.Бахтин писал: «Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами».

Понятно, что шедевром становится тот текст, который поднимает главные вопросы бытия и потому может «встраиваться» в самые разные контексты места и времени. Действие трагедий Шекспира можно без натуги перенести в средневековую Японию или в современную Россию – мы увязываем его смыслы с контекстом любой цивилизации. Гоголь сегодня читается как пророк и учитель русского человека, а кто будет читать в десять раз более плодovitого Боборыкина? Потому что Боборыкин писал вещи, связанные простыми и явными связями с контекстом только своего места и времени.

Но для нас важнее вторая сторона проблемы связи текста (события, действия) с контекстом – та работа, которую производит «получатель сообщения», читатель, наблюдатель, историк или современник. Как писал теоретик герменевтики Ханс-Георг Гадамер, «лишь благодаря одному из участников герменевтического разговора, интерпретатору, другой участник, текст, вообще обретает голос. Лишь благодаря ему письменные обозначения вновь превращаются в смысл».

Интерпретация, толкование – это восстановление неявных или специально скрытых связей с контекстом. Успех этого дела определяется знанием, умением, волей и творческими способностями читателя или наблюдателя. Знания можно приобрести, умение выработать. Мы на фотографии сразу узнаем людей и даже представляем их образ «как живой». А дикарь в джунглях, когда ему показывают фотографию даже знакомых предметов и людей, смотрит на нее совершенно равнодушно и ничего не видит – он *не обучен* воспринимать эти образы.

Но знания и умения мало. Без работы ума, духа и воображения ничего не получится. Когда мы смотрим на пейзаж хорошего художника, мы так живо воспроизводим в нашем воображении картину, что кажется, будто художник выписал все детали, каждый листочек на дереве. Но ведь это невозможно.

Листочков он выписал очень мало, и они непропорционально велики. Если бы художник изобразил детали точно, мы бы просто не узнали образа. Он, зная законы восприятия, только *намекнул* нам, дал знак, а картину мы создали (вместе с ним, с его умелыми знаками) в нашем воображении. Мы – соавторы картины.

Какую же цель преследует тот, кто желает манипулировать нашим сознанием, когда посылает нам сообщения в виде текстов или поступков? Его цель – дать нам такие знаки, чтобы мы, встроив эти знаки в контекст, *изменили* образ этого контекста в нашем восприятии. Он *подсказывает* нам такие связи своего текста или поступка с реальностью, навязывает такое их истолкование, чтобы наше представление о действительности было искажено в желательном для манипулятора направлении. А значит, это окажет воздействие и на наше поведение, причем мы будем уверены, что поступаем в полном соответствии с нашими собственными желаниями.

Сказать слово или совершить действие, которые бы так затронули струны нашей души, чтобы мы вдруг увидели действительность в искаженном именно вопреки нашим интересам виде, – большое искусство. Такое слово и такой поступок не могут быть ясными, светлыми, понятными, они обязательно обращены к чему-то скрытому от разума.

Есть речи – значение темно или ничтожно, Но им без волнения внимать невозможно.

Какова задача человека, который, не желая быть пассивной жертвой манипуляции, предпринимает маленькое исследование в духе герменевтики – пытается дать свою интерпретацию словам и поступкам? Его задача – воссоздать в уме, возможно полнее, *реальный* контекст сообщения и разными способами встроить в него услышанное или увиденное. Разумеется, совершенно полно воссоздать действительность невозможно, нужно провести отбор существенных ее сторон. Для этого герменевтика, как научный метод, как раз и дает полезные указания. Ясно, что особенно важно и трудно воссоздать специально скрываемые стороны действительности и их связи с сообщением. Например, интересы тех, кто «организует» сообщение (недаром еще древние римляне открыли важнейший принцип социальной герменевтики – «ищи, кому выгодно»).

Поиск скрытого смысла – психологически трудный процесс. Он требует мужества и свободы воли, ведь нужно на момент сбросить бремя авторитета, каким часто обладает отправитель сообщения. Власть имущие и денежные мешки – а в основном именно они нуждаются в манипуляции общественным сознанием – всегда имеют возможность нанять для передачи сообщений любимого артиста, уважаемого академика, неподкупного поэта-бунтаря или секс-бомбу, для каждой категории населения свой авторитет. С точки зрения психологии, умение интерпретации определяется способностью личности легко переходить от одного контекста к другому, соединяя разные «срезы» действительности в единые картины. В экспериментальных исследованиях психологов оказалось, что около 30 % испытуемых испытывают в этом сильные затруднения. Значит, тренироваться надо.

Считается, что люди в своем подходе к интерпретации делятся на два основных типа. Одни начинают с того, что стараются по мере возможности строго восстановить логику

автора сообщения, до поры отставляя в сторону свои собственные версии. Если они находят в этой логике изъяны и у автора сообщения «концы с концами не вяжутся», здесь они и начинают копать.

Другие не тратят времени на то, чтобы реконструировать «интеллектуальные инструменты» авторов сообщения. Они принимают готовый вывод сообщения как одну из допустимых версий, но *лишь одну из нескольких возможных*, и приступают к выработке набора своих версий. Они «конструируют контексты», примеряя к ним версию «подозреваемого» – автора сообщения.

На практике оба подхода применяются в той или иной комбинации. Важно усвоить главное указание герменевтики: «Множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации» (П.Рикер).

И дело не в том, чтобы соглашательски составить из нескольких версий одну «усредненную». Только анализируя *разные* версии, можно приблизиться в истине, особенно когда действующие лица заинтересованы в ее сокрытии.

Эту проблему предельно заострил Акутагава в повести «Расёмон» (ее многие знают по шедшему у нас фильму Куросавы). Судья опрашивает участников и свидетелей одного события – поединка самурая с разбойником, в котором самурай был убит. Показания дает даже дух убитого. Сходясь в описании «объективных фактов», какую же разную интерпретацию дают им участники!

Это явление типично. Венгерский историк А.Ковач изучил мнение большой группы людей, которые находились в одном помещении и наблюдали одно и то же событие (арест Имре Надя). Люди, в зависимости от своих установок, увидели настолько разные вещи, что историк назвал свой доклад на международной конференции в 1990 г. «Похищение Имре Надя и эффект «Расёмона».

А вот наша, близкая история, о которой рассказали ее участники. 19 августа 1991 г. состоялось знаменитое заседание Совета Министров СССР, где министры определяли свою позицию по отношению к ГКЧП. После «поражения путча» министры, бывшие друзьями, собрались и сравнили те записи, которые каждый вел на том заседании 19 августа. Эти записи были абсолютно несовместимы, как будто речь шла о разных заседаниях. И в то же время каждый вел их для себя, ему не было нужды исказить услышанное. Просто каждый выхватывал из потока сообщений то, что считал важным – согласно своим взглядам. Каждый видел происходящее через фильтр своих убеждений. Этот рассказ можно было бы назвать «Заседание Совета Министров СССР 19 августа 1991 г. и эффект Расёмона».

К несчастью, очень часто мы испытываем сужение сознания: получив сообщение, мы сразу же, с абсолютной уверенностью принимаем для себя одно-единственное его толкование. И оно служит для нас руководством к действию. Обычно это происходит потому, что мы из «экономии мышления» следуем *стереотипам* – привычным штампам, понятиям, укоренившимся предрассудкам. В начале 70-х годов журнал американских экономистов и бизнесменов «Гарвард бизнес ревью» показал своим читателям, насколько сильны в них расовые стереотипы. На обложке журнала была дана картинка, в которую редакция просила внимательно всмотреться. Был нарисован салон автобуса, в котором поскандалили белый и негр. У одного в руке уже была открытая опасная бритва. Месяца через три картинку напечатали снова, но с одним изменением – бритвы не было. Редакция попросила читателей сделать над собой эксперимент: не отыскивая исходную картинку, вспомнить, у кого из участников скандала была в руке бритва. Потом были опубликованы поразительные результаты: большинство читателей (почти исключительно белые) считали, что бритва была в руке у негра. На самом деле она была у белого. Стереотип оказался сильнее памяти.

Из уости взгляда, подчинения хотя бы краткосрочному, на время возникшему стереотипу вытекают тяжелые ошибки и промахи в наших практических действиях. Неважно даже, верим ли мы безоговорочно лживому сообщению или выстраиваем собственную ложную его интерпретацию. В обоих случаях наше поведение *неадекватно* реальности, и нас ждет неудача.

Тот, кто хочет построить защиту против попыток манипуляции его сознанием, должен преодолеть закостенелость ума, научиться строить в уме *варианты* объяснения. Как бы ни был защищен ум догматика его «принципами, которыми он не может поступиться», к нему после некоторых попыток находится ключик, ибо ход его мыслей предсказуем и потому поддается программированию. И догматик, сам того не подозревая, становится не просто жертвой, а инструментом манипуляции.

Спасти от манипуляции с помощью догматизма и упрямства, просто «упершись», невозможно. Можно лишь продержаться какое-то время, пока к тебе не подберут отмычку. Или не обойдут как не представляющее большой опасности препятствие (как обошли идеологи рыночной реформы крестьян, не пытаясь их соблазнить демократией и не тратя сил и денег на разработку специальных технологий и языка для манипуляции сознанием именно крестьян).

Овладеть действительностью можно только изучив доктрину, тактику и оружие манипуляторов. Рассмотрим сначала, в каких условиях социального бытия манипуляция становится важнейшим средством господства и власти, в каких доктринах выражены главные принципы этого способа господства.

Глава 3. Демократия, тоталитаризм и манипуляция сознанием

Как мы установили, манипуляция – способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении.

Уже из этого очень краткого определения становится ясно, что манипуляция сознанием как средство власти возникает только в *гражданском* обществе, с установлением политического порядка, основанного на *представительной* демократии. Это – «демократия западного типа», которая сегодня ошибочно воспринимается просто как *демократия* – антипод тоталитаризму. На самом деле видов демократии множество (рабовладельческая, вечевая, военная, прямая, вайнахская и т. д.).

В западной демократии сувереном, то есть обладателем всей полноты власти, объявляется совокупность *граждан* (то есть тех жителей, которые обладают гражданскими правами¹).

Во многих странах Запада в правах урезаны обширные категории людей. Не будем вспоминать совсем недавнее рабство в США (хотя это принципиальный, философский вопрос). Но вот Бразилия, которая считается демократической страной. Индейцы, коренное население страны, не имеют избирательных прав. Они – *жители* страны, но не ее *граждане*.

Эти граждане – индивиды, теоретически наделенные равными частицами власти в виде «голоса». Данная каждому частица власти осуществляется во время периодических выборов через опускание бюллетеня в урну. Равенство в этой демократии гарантируется принципом «один человек – один голос». Никто кроме индивидов не обладает голосом, не «отнимает» их частицы власти – ни коллектив, ни царь, ни вождь, ни мудрец, ни партия.

Но «равенство перед Законом не означает равенства перед фактом». Это разъяснили уже якобинцы, отправив на гильотину тех, кто требовал экономического равенства на основании того, что, мол, «свобода, равенство и братство». В имущественном смысле равные в политическом отношении граждане не равны. И даже обязательно должны быть не равны – именно страх перед бедными сплывает благополучную часть в гражданское общество, делает их «сознательными и активными гражданами». На этом держится вся конструкция демократии – «общества двух третей».

Две трети – это «средний класс», сплоченный зрелищем бедности тех, кто оттеснен на обочину жизни. Голоса *трети* граждан, недовольных таким порядком, «омертвляются» – множеством способов их побуждают не участвовать в голосовании. В последнее время демократия Запада сдвигается к «обществу двух половин» – реально в выборах отказывается участвовать половина граждан. В РФ выборы в Госдуму считаются действительными, если к урнам пришло всего 25 % избирателей («общество одной четверти»).

Имущественное неравенство создает в обществе сильное неравновесие, которое может быть уравновешено только с помощью политической власти. Основатель политэкономии Адам Смит так определил главную роль государства в гражданском обществе: «Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет».

Речь здесь идет именно о *гражданском* правительстве, то есть о правительстве в условиях гражданского общества. До этого, при «старом режиме», власть не распределялась

частицами между гражданами, а концентрировалась у монарха, обладавшего не подвергаемым сомнению правом на господство. В сословном обществе неравенство охранялось традицией, наглядно выражалось в разных правах перед законом и подтверждалось непререкаемым словом монарха.

Разумеется, как и в любом государстве, власть монарха (или, скажем, Генерального секретаря) нуждалась в легитимации – приобретении *авторитета* в массовом сознании. Но она не нуждалась в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны на «открытом, без маскировки, императивном воздействии – от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа – с использованием грубого простого принуждения». Иными словами, тиран *повелевает*, а не манипулирует.

Этот факт подчеркивают все исследователи манипуляции общественным сознанием, отличая способы воздействия на массы в демократических и авторитарных (или тоталитарных) режимах. Вот суждения видных американских ученых:

Специалист по СМИ З.Фрейре пишет: «До пробуждения народа нет манипуляции, а есть тотальное подавление. Пока угнетенные полностью задавлены действительностью, нет необходимости манипулировать ими».

Ведущие американские социологи П.Лазарсфельд и Р.Мертон так характеризуют отношения господства в США: «Те, кто контролирует взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие».

Известный специалист в области управления С.Паркинсон дал такое определение: «В динамичном обществе искусство управления сводится к умению направлять по нужному руслу человеческие желания. Те, кто в совершенстве овладел этим искусством, смогут добиться небывалых успехов».

Э.Тоффлер в своей книге «Метаморфозы власти» пишет: «Государство изобрело новые формы контроля над умственной деятельностью, когда индустриальная революция привела к созданию СМИ, и оно станет искать новые средства и методики, которые помогли бы ему сохранить хотя бы некоторый контроль над образами, идеями, символами и идеологиями, доходящими до простых людей через новую электронную инфраструктуру».

Хотя *идеология*, эта замена религии для гражданского общества, возникла как продукт Научной революции и Просвещения, в Европе, главным создателем концепции и технологии манипуляции массовым сознанием с самого начала стали США. Впрочем, как говорили уже в XVIII веке, США – более Европа, чем сама Европа. Здесь на пространствах, свободных от традиций старых сословных культур, возник индивидуум в самом чистом и полном виде. У «отцов нации» и состоятельного слоя Соединенных Штатов появилась острая потребность контролировать огромную толпу свободных индивидов, формально равных перед законом, не прибегая к государственному насилию (оно было попросту невозможно). В то же время не было возможности взывать к таким этическим нормам, как уважение к авторитетам – США заселили диссиденты Европы, отрицающие авторитет. Так возник новый в истории тип социального управления, основанный на *внушении*. Поэт Гор Видал сказал, что «американскую политическую элиту с самого начала отличало завидное умение убеждать людей голосовать вопреки их собственным интересам».

В целом Г.Шиллер дает такое определение:

«Соединенные Штаты совершенно точно можно охарактеризовать как разделенное общество, где манипуляция служит одним из главных инструментов управления, находящегося в руках небольшой правящей группы корпоративных и правительственных боссов... С колониальных времен власть имущие эффективно манипулировали белым большинством и подавляли цветные меньшинства».

В США в кратчайший срок была создана новаторская технология управления обществом. То, что в других обществах складывалось тысячи лет, в США было сконструировано на голом месте, по-новому, чисто научным и инженерным способом. Герберт Маркузе отмечает это огромное изменение: «Сегодня подчинение человека увековечивается и расширяется не только посредством технологии, но и как технология, что дает еще больше оснований для полной легитимации политической власти и ее экспансии, охватывающей все сферы культуры». Подчинение не *посредством* технологии, а *как* технология! Тиран создать технологию не мог, он всего лишь подчинял людей с ее помощью, причем используя весьма примитивные системы.

В США создавалась именно технология, и на это работал и работает большой отряд обученных, профессиональных интеллектуалов. Г.Шиллер отмечает: «Там, где манипуляция является основным средством социального контроля, как, например, в Соединенных Штатах, разработка и усовершенствование методов манипулирования ценятся гораздо больше, чем другие виды интеллектуальной деятельности».

В деле манипуляции специалисты США обращают на службу правящим кругам даже те общественные течения, которые, казалось бы, как раз находятся в оппозиции к власти этих кругов. В течение 80-х годов правительству Рейгана и Буша в США удавалось проводить крайне правую социальную и милитаристскую политику при том, что в общественном мнении происходил сильный сдвиг в сторону социал-демократических принципов. При опросах подавляющее большинство поддерживало введение государственных гарантий полной занятости, государственное медицинское обслуживание и строительство детских садов, а соотношение сторонников и противников сокращения военных расходов было 3:1. Согласно данным опроса 1987 г., посвященного Конституции США, почти половина населения США была уверена, что фраза «от каждого по способностям, каждому по потребностям» – статья Конституции США, а вовсе не лозунг из Коммунистического манифеста Маркса.

Философы Адорно и Хоркхаймер в книге «Диалектика Просвещения» представили организацию всей жизни в США как «индустрию культуры, являющуюся, возможно, наиболее изощренной и злокачественной формой тоталитаризма». Так что речь, если на то пошло, идет не о выборе между демократией и тоталитаризмом, а между разными типами *тоталитаризма* (или разными типами *демократии* – название зависит от вкуса).

В самой западной философской мысли «демократических» иллюзий давно уже нет. Монтескье в своей теории гражданского общества предложил идею *разделения властей*, считая, что это ограничит тиранию исполнительной власти. Эти надежды не сбылись. В конце XIX века писатель Морис Жоли даже написал веселую книгу «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье», в которой тень Макиавелли, как теоретика циничной и жестокой исполнительной власти, в два счета объяснила Монтескье, как легко государь может манипулировать другими «ветвями власти» просто потому, что именно он контролирует финансы – даже не прибегая к более жестким средствам. А они тоже, когда надо, применяются.

Когда философы пишут всерьез, они отбрасывают ругательства вроде «тоталитаризма» или «культы личности», а говорят о двух типах деспотизма – *восточном* и *западном*. Современный французский философ С.Московичи видит главное отличие западного типа в том, что он опирается на контроль не над средствами производства, а над *средствами информации* и использует их как нервную систему:

«Они простирают свои ответвления повсюду, где люди собираются, встречаются и работают. Они проникают в закоулки каждого квартала, каждого дома, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действительности. Восточный деспотизм отвечает экономической необходимости, ирригации и освоению трудовых мощностей. Западный же деспотизм отвечает прежде всего политической необходимости. Он предполагает захват орудий влияния или внушения, каковыми являются школа,

пресса, радио и т. п. . . . Все происходит так, как если бы шло развитие от одного к другому: внешнее подчинение уступает место внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным, незримым господством, от которого невозможно защититься».

Представление же, будто наличие «демократических механизмов» само по себе обеспечивает свободу человека, а их отсутствие ее подавляет – плод наивности. В какой-то мере эта наивность была еще прощательна русским в начале века, но и тогда уже Бердяев писал: «Для многих русских людей, привыкших к гнету и несправедливости, демократия представлялась чем-то определенным и простым, – она должна была принести великие блага, должна освободить личность. Во имя некоторой бесспорной правды демократии мы готовы были забыть, что религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером, не только не освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не хочет знать ее автономного бытия. Государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия. . . . Инстинкты и навыки абсолютизма перешли в демократию, они господствуют во всех самых демократических революциях».

Строго говоря, как только манипуляция сознанием превратилась в технологию господства, само понятие «демократия» стало условным и употребляется лишь как идеологический штамп. В среде профессионалов этот штамп всерьез не принимают. В своей «Энциклопедии социальных наук» Г. Лассуэлл заметил: «Мы не должны уступать демократической догме, согласно которой люди сами могут судить о своих собственных интересах».

Говоря о демократии и тоталитаризме, надо на минуту отвлечься и выделить особый случай: что происходит, когда в обществе с «тоталитарными» представлениями о человеке и о власти вдруг революционным порядком внедряются «демократические» правила? Неважно, привозят ли демократию американские военные пехотинцы, как на Гаити или в Панаму, бельгийские парашютисты, как в Конго, или отечественные идеалисты, как весной 1917 года в России. В любом случае это демократия, которая не вырастает из сложившегося в культуре «ощущения власти», а привносится как прекрасный заморский плод. Возникает гибрид, который, если работать тщательно и бережно, может быть вполне приемлемым (как японская «демократия», созданная после войны оккупационными властями США). Но в большинстве случаев этот гибрид ужасен, как Мобуту.

Для нас этот вариант важен потому, что вот уже больше десяти лет проблема демократии и тоталитаризма стала ключевой темой в манипуляции. Как известно, Россия никогда не была «гражданским обществом» свободных индивидов. Это было традиционное сословное общество (крестьяне, дворяне, купцы да духовенство – не классы, не пролетарии и собственники). Либеральные социальные философы называют этот тип «*теплое общество лицом к лицу*». Идеологи выражаются грубее: *тоталитаризм*. Как ведут себя люди такого общества, когда им вдруг приходится создавать власть (их обязывают быть «демократами»)?

Это мы видим сегодня и поражаемся – выбирают в основном людей посредственных и очень часто уголовников. Этому есть объяснение низкое, бытовое, и есть высокое, идеальное. Согласно «идеальной» установке, бремя власти есть несчастье для человека! Власть всегда есть что-то внешнее по отношению к «теплому обществу», и принявший бремя власти человек неминуемо становится изгоем. Если же он поставит свои человеческие отношения выше государственного долга, он будет плохой, несправедливой властью. В таком положении очень трудно пройти по лезвию ножа и не загубить свою душу. Понятно, почему русский человек старается «послать во власть» того, кого не жалко, а лучше позвать чужого, немца. Если же обязывают, демократии ради, создать самоуправление, то уклонение от выполнения властных обязанностей и коррупция почти неизбежны.

Итак, есть, условно говоря, две «чистые» модели – *демократия* и *тоталитаризм*. И самый трудный случай, наш собственный – навязанная гибридикация чужеродной демократии, наложенной на культуру «теплого общества». В этом гибриде наши реформаторы делают вид, что надеются убить компонент «тоталитаризма». Чуть ли не главным инструментом в их усилиях стала манипуляция сознанием.

Ее технология, созданная в США, применяется сегодня в более или менее широких пределах в других частях мира (в России – без всяких пределов). Она должна стать главным средством социального контроля в новом мировом порядке. Разумеется, дополняясь насильем в отношении «цветных». Правда, таковыми все более и более считаются бедные независимо от цвета кожи (например, японцы уже не считаются цветными, а русские уже почти считаются).

Почему способы жесткого духовного воздействия вне демократии не подпадают под понятие манипуляции? Ведь тираны не только головы рубили и «черным вороном» пугали – словом, музыкой и образом они действовали ничуть не меньше. Почему же литургия в храме или беседа политрука в Красной Армии, побуждающие человека к определенному поведению, – не манипуляция сознанием?

Воздействие на человека религии (не говорим пока о сектах) или «пропаганды» в *идеократических* обществах, каким были, например, царская Россия и СССР, отличаются от манипуляции своими главными родовыми признаками. Вспомним первый признак – *скрытность* воздействия и внушение человеку желаний, *заведомо* противоречащих его главным ценностям и интересам.

Религия и официальная идеология идеократического общества не только не соответствуют этому признаку, они действуют принципиально иначе. Их обращение к людям не только не скрывается, оно *громогласно*. Ориентиры и нормы поведения, к которым побуждали эти воздействия, декларировались совершенно открыто, и они были жестко и явно связаны с декларированными ценностями общества.

И отцы церкви, и «отцы коммунизма» считали, что то поведение, к которому они призывали, – в интересах спасения души или благоденствия их паствы. Поэтому и не могло стоять задачи внушить ложные желания и скрывать акцию духовного воздействия. Конечно, представления о благе и потребностях людей у власти и большей или меньшей части населения могли расходиться, вожди могли заблуждаться. Но они не «лезли под кожу», а дополняли власть Слова прямым подавлением. В казармах Красной Армии висел плакат: «Не можешь – поможем. Не умеешь – научим. Не хочешь – заставим».

Смысл же манипуляции иной: мы не будем тебя *заставлять*, мы влезем к тебе в подсознание и сделаем так, что ты *сам захочешь*. В этом – главная разница и принципиальная несовместимость двух миров: религии или идеократии (в так называемом *традиционном* обществе) и манипуляции сознанием (в так называемом *демократическом* обществе).

Многих вводит в заблуждение сходство некоторых «технических» приемов, применяемых и в религиозной, и в пропагандистской, и в манипуляционной риторике – игра на чувствах, обращение к подсознанию, к страхам и предрассудкам. Хотя в религии и идеократической пропаганде использование этих приемов – следствие слабости и незрелости, а в манипуляции сознанием – принципиальная установка. Более того, религиозные конфессии, взявшие курс на обновление и озабоченные успехом в политике, впадают порой в соблазн освоить большие манипуляционные технологии. Мы уж не говорим о тех сектах и «церквях», которые являются прежде всего политическими (иногда криминальными) организациями, которые, напротив, используют религиозные «технологии» в целях манипуляции.

Об этом – одно из едва ли не главных размышлений Достоевского, выраженное в Легенде о Великом Инквизиторе. Сошедшего на Землю Христа Великий Инквизитор посылает на костер, чтобы он не нарушал, как бы мы сегодня сказали, Мирового порядка, осно-

ванного именно на манипуляции сознанием. Великий Инквизитор упрекает Христа в том, что Он отказался повести за собой человека, воздействуя на его сознание чудом.

В советской идеологии «обновленчество» Хрущева с попыткой использовать манипуляционные технологии сразу нанесло ей рану в которой и вызрели идеологи типа А.Н.Яковлева. Хрущев стал соблазнять чудесами: догоним Америку по мясу и молоку, через двадцать лет будем жить при коммунизме. С этого начало рушиться идеократическое советское общество – для него манипуляция сознанием дисфункциональна («вредна для здоровья»).

Но в реальной жизни отклонения от «чистой» модели затемняют фундаментальные различия, и поэтому остановимся пока что на очевидном родовом признаке: открытость и даже ритуальность установления желаемых норм поведения в теократических и идеократических обществах – и скрытое, достигаемое через манипуляцию сознанием установление таких норм в демократическом (гражданском, либеральном) обществе.

Есть два подхода к сравнению этих «чистых» вариантов господства. Первый подход мы назовем *функциональным*, а второй – *моральным*. Насколько успешно оба подхода позволяют власти выполнять одну из своих функций – обеспечить выживание общества, его воспроизведение и устойчивость?

В общем, традиционное и либеральное общества устойчивы или уязвимы перед ударами разных типов. Первое поразительно жизнестойко, когда удары наносятся всем или большей части общества, так что возникает ощущение, что «наших бьют». В этих случаях устойчивость такова, что наблюдатели и политики «из другого общества» раз за разом тяжело ошибаются.

Сравнительно мало материалов опубликовано о тех умозаключениях советников Наполеона и Гитлера, которые ошиблись в своих прогнозах о реакции разных слоев русского народа на вторжение в Россию. Но и то, что опубликовано, показывает: в обоих «экспериментах» над Россией Запад ошибся фундаментально. Русские иначе «интерпретировали» жесты западных носителей прогресса, нежели они рассчитывали. Каждый удар извне, который воспринимался русскими как удар по России, залечивал ее внутренние трещины и «отменял» внутренние противоречия.

Так же поражает сегодня западных экспертов способность российского общества держать удары победителей в холодной войне. Массовое обеднение не только не разрушило общества, оно даже почти не озлобило людей, не стравило их. Вопреки ожиданиям, общество не распалось, а продолжает жить согласно неписаным законам и культурным нормам, чуждым индивидуализму.

На Западе спад производства в 1 % – уже кризис, который резко меняет поведение обывателя. Даже если его лично еще совершенно этот кризис не коснулся и разорение ему непосредственно не угрожает. А если колесо кризиса его задело, происходят просто невероятные превращения. О том, как быстро в либеральном обществе утрачиваются скрепляющие его культурные нормы при обеднении среднего класса, написана масса печальной литературы. Во время Великой депрессии в США разорившиеся бизнесмены выбрасывались из окон. В России нет ничего подобного.

Зато традиционное общество исключительно хрупко и беззащитно против таких воздействий, к каким совершенно нечувствительно общество гражданское. Достаточно заронить в массовое сознание сомнение в праведности жизни или в праведности власти, все устои политического порядка могут зашататься и рухнуть в одночасье. Об этом – «Борис Годунов» Пушкина. Об этом писали в «Вехах» раскаявшиеся либеральные философы после опыта революции 1905 года. Да и вся драма второго акта убийства Российской империи, уже в облике СССР, у нас перед глазами.

Идеократическое общество – сложная, иерархически построенная конструкция, которая держится на нескольких священных идеях-символах и на отношениях авторитета.

Утрата уважения к авторитетам и символам – гибель. Если противнику удастся встроить в эти идеи разрушающие их вирусы, то победа обеспечена. Отношения господства с помощью насилия спасти не могут, ибо насилие должно быть легитимировано теми же самими идеями-символами.

Гражданское общество, состоящее из атомов-индивидов, связано бесчисленными ниточками их интересов. Это общество просто и неразрывно, как плесень, как колония бактерий. Удары по каким-то точкам (идеям, смыслам) большого ущерба для целого не производят, образуются лишь локальные дырки и разрывы. Зато эта ткань трудно переносит «молекулярные» удары по интересам каждого (например, экономические трудности). Для внутренней стабильности нужно лишь контролировать всю колонию таким образом, чтобы не возникало больших социальных блоков с несовместимыми, противоположными желаниями. С этой задачей технология манипуляции сознанием справляется. А борьба по поводу степени удовлетворения желаний вполне допустима, она сути общества не подрывает.

Это – инструментальная сторона. Иное дело – оценки, вытекающие из этических ценностей. Здесь взгляды диаметрально противоположны. Человек либерального образа мыслей убежден, что переход от принуждения к манипуляции сознанием – прогресс в развитии человечества, чуть ли не «конец истории». Парадоксальным образом, некоторые либеральные идеологи согласны, чтобы ради такого перехода на неопределенный период устанавливался режим ничем не ограниченного насилия. Аргументы тех, кто приветствует переход от принуждения к манипуляции, просты и понятны. Кнут – это больно, а духовный наркотик – приятно. Если уж все равно сильный заставит слабого подчиниться своей воле, то пусть он это сделает с помощью наркотика, а не кнута. О вкусах не спорят.

Теперь рассмотрим доводы тех, кто считает наркотик *хуже* кнута. И прежде всего, доводы самих западных мыслителей, которые видят проблему именно исходя из идеалов и интересов Запада, с точки зрения пути и судьбы своей цивилизации. Известно, что Запад считает себя цивилизацией свободных индивидов, собравшихся в гражданское общество на основе права. Закон, охраняемый государством, ввел в цивилизованные рамки извечную «войну всех против всех», борьбу за существование. Один из главных философов гражданского общества Т.Гоббс назвал государство, которое способно цивилизовать «войну всех против всех», Левиафаном – по имени могучего библейского чудовища. Эта война стала всеобъемлющей *конкуренцией*, а общественная жизнь – всепроникающим рынком. Философ гражданского общества Локк сознавал, что стремление к выгоде разъединяет людей, ибо «никто не может разбогатеть, не нанеся убытка другому». Но свобода индивида и понимается прежде всего как разъединение, *атомизация* «теплого общества лицом к лицу» – через конкуренцию. В политической сфере этому соответствует демократия, понимаемая как «холодная гражданская война», разновидность конкуренции.

Главным условием поддержания такого порядка является свобода индивида, позволяющая ему делать осознанный рациональный выбор и заключать свободный контракт. Неважно, идет ли речь о покупке или продаже рабочей силы, той или иной жевательной резинки или партийной программы (на выборах). Это – идеал. В чистом виде он, конечно, не достигается. Вопрос в том, на каком пути развития общество приближается, а на каком удаляется от идеала, а то и заходит в тупик.

Сегодня значительная часть мыслителей считает, что, сделав манипуляцию сознанием главной технологией господства, Запад совершил ошибку и зашел в тупик. Причина в том, что манипуляция сознанием, производимая всегда скрытно, лишает индивида свободы в гораздо большей степени, нежели прямое принуждение. Жертва манипуляции полностью утрачивает возможность *рационального выбора*, ибо ее желания программируются извне. Таким образом, ее положение в конкуренции, в «войне всех против всех», резко ухудшается. Фактически, это – ликвидация главных гражданских прав, а значит, ликвидация идеальной

основы западной цивилизации. На ее месте возникает новый вид тоталитаризма, заменившего кнут гораздо более эффективным и более антигуманным инструментом – «индустрией массовой культуры», превращающей человека в программируемый робот. Как сказал немецкий философ Краус о нынешней правящей верхушке Запада, «у них – пресса, у них – биржа, а теперь у них еще и наше подсознание». Эта критическая по отношению к манипуляции позиция почти не связана с политическими взглядами, вопрос глубже.

Вернемся на родную землю и вспомним, как оценивали переход «от тоталитаризма к демократии» выразители русской культуры. Наши «левые» XIX века, увлеченные обличением крепостничества и тирании, этой проблемы, в общем, не замечали (за исключением Герцена, который ужаснулся тому, что увидел на Западе). Более проникательные и смотрящие далеко вперед сразу выразили беспокойство. Гоголь видел в цивилизации, развращающей человека «оружием сластей», антихристианскую силу. Он страдал не только от страха за судьбу России, но и при виде угрозы душе европейца. А поскольку уже было ясно, что США стали наиболее полным выразителем нового духа Запада, о них он и сказал, перефразируя Пушкина: «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит»⁴.

Пожалуй, в русской литературе и философии именно тревога за душу человека была главным мотивом в отношении к манипуляции сознанием. Поэтому очень многие рассуждения или прямо исходят из христианского идеала, или окрашены в религиозные тона, включают христианские метафоры и аллегории. Это отметил Н.Бердяев, когда писал в 1923 г.: «Демократия – не новое начало, и не впервые входит она в мир. Но впервые в нашу эпоху вопрос о демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он ставится уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда испытывают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а о чем-то более глубоком. Царство демократии не есть новая форма государственности, это особый дух».

Важно отметить: русские философы-эмигранты, считая, что в России установился режим большевистской тирании, угрозу душе человека видели именно на Западе. Именно его судьбу они считали трагической. Они предупреждали о глубоком заблуждении русских либералов-западников. Георгий Флоровский писал: «Им не приходит в голову, что можно и нужно задумываться над предельными судьбами европейской культуры... Их мнимое преклонение пред Европой лишь прикрывает их глубокое невнимание и неуважение к ее трагической судьбе».

По-другому эту мысль о западниках своего времени выразил Бердяев: «Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей».

В свете христианства видел трагедию Запада и Достоевский. Применение духовного наркотика в целях управления для него не просто несовместимо со свободой воли, а значит, с христианством – оно *противоположно* ему, оно есть прямое служение дьяволу. Вспомним Легенду о Великом Инквизиторе, выбрав из нее лишь места, прямо относящиеся к нашей теме (это, конечно, вольное и обедненное цитирование, но главный смысл передает). Итак, в Севилью, где огромными трудами власти создан стабильный общественный поря-

---

⁴ На деле Пушкин выразился, так: «Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом».

док, явился Христос. Кардинал великий инквизитор сразу узнал его в толпе и арестовал. Ночью он явился к нему для объяснений в камеру:

«Это ты? Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь... Да, это дело нам дорого стоило, но мы dokonчили наконец это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этой свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Но зная, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?..

И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят, наконец, столь страшный дар, принесший им столько муки. Правы мы были, уча и делая так, скажи? Неужели мы не любили человечества, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать?..

И я ли скрою от тебя тайну нашу? Слушай же: мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили себя царями земными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию. О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за ним. У нас все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей, повсеместно. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – все судя по их послушанию – и они будут нам покоряться с весельем и радостью.

То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был, кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi».

Конечно, Гоголь и Достоевский писали не для Запада. Запад давно сделал свой выбор и преодолел свои болезни только на своем пути. Надо только поражаться, как точно уловил суть этих болезней Достоевский.

Его Инквизитор говорит: «Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – все судя по их послушанию». Кажется, аллегория, метафора. А вот Англия начала 30-х годов XX века.

Крупный ученый, сэр Джулиан Хаксли, чтобы сократить рождаемость в среде рабочих, предложил обусловить выдачу пособий по безработице обязательством не иметь больше детей. «Нарушение этого приказа, – писал ученый, – могло бы быть наказано коротким периодом изоляции в трудовом лагере. После трех или шести месяцев разлуки с женой нарушитель, быть может, в будущем будет более осмотрительным».

Гоголь и Достоевский писали для России. Их страхи были пророческими, а предупреждения были направлены как будто именно нам. Выбор делать нам, на свою ответственность, но выслушать и обдумать предупреждения мы обязаны. Учтем, однако, что предупреждения «от христианства» многих оставят безучастными. Рассудим рационально, приземленно, как бы допустив, что «Бог умер» и отложив в сторону христианские ценности. На Западе Ницше начал этот тяжелый проясняющий разговор – ликвидацию того, что немецкий теолог и философ Романо Гвардини назвал «нечестностью Нового времени». Он писал в 1954 г.:

«Нечестность Нового времени – двойная игра, с одной стороны, отвергавшая христианское учение и устройство жизни, а с другой – стремившаяся присвоить все, что они дали человеку и культуре. От этого в отношении христианина к новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду он сталкивался с тем, что было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него... Теперь двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами, и воздух наконец станет прозрачен. Насыщен враждебностью и угрозой, но зато чист и ясен».

Надо и нам хладнокровно прикинуть «достоинства и недостатки» кнута принуждения и пряника манипуляции и каждому определить: если уж любая власть – зло, то какое зло меньше именно для нашей культуры.

Посмотрим, повышается или понижается статус человека при переходе от прямого принуждения к манипуляции его сознанием. Даже в «войне всех против всех», ведущейся по правилам гражданского общества (конкуренции), объекты воздействия делятся на три категории: *друг, партнер, соперник*. Специалисты сходятся на том, что человек, ставший объектом манипуляции, вообще выпадает из этой классификации. Он – не друг, не партнер и не соперник. Он становится *вещью*.

Бахтин писал, что в отношении к миру и человеку в мысли и действиях людей борются две тенденции: к овеществлению и к персонификации. В «примитивных» культурах была сильна тяга к персонификации (для Дерсу Узала муравьи – «маленькие люди»). Анимизм, одухотворение вещей всегда присутствует в культуре даже очень развитых традиционных обществ. В технологии манипуляции сознанием мы видим, наоборот, крайнее выражение противоположной тенденции – к *овеществлению* человека. А. Тойнби писал:

«Нам достаточно хорошо известно, и мы всегда помним так называемое «патетическое заблуждение», одухотворяющее и наделяющее жизнью неживые объекты. Однако теперь мы скорее становимся жертвами противоположного – «апатетического заблуждения», согласно которому с живыми существами поступают так, словно они – неодушевленные предметы».

Поскольку это принимает массовый характер, результатом становится неуклонное и не осознаваемое снижение статуса человека. Разумеется, сначала это действует на человека, не входящего в элиту (она – манипулирует плебеями). Но затем этот порядок механизмирует, овеществляет человека вообще.

Таким образом, соглашаясь на построение в его стране порядка, основанного на манипуляции сознанием, каждый должен отдавать себе отчет в том, что с очень большой вероятностью его статус будет понижен. А значит, все обещаемые блага вроде гражданских свобод, ощущения себя хозяином и пр., превратятся в лишённые содержания побрякушки. А тот, кому повезет попасть в манипулирующее меньшинство, станет одним из таких угнетателей своих соплеменников, которые вынуждены будут это угнетение наращивать и изощрять.

Тиран может подобрать – и ему будут благодарны. Но манипулятор этой возможности лишен – прозревающий человек приходит в ярость.

Можно ожидать, что переход к государственности, основанной на манипуляции сознанием, несравненно больнее ударил бы по русской культуре, чем уязвил он Запад. Причина в том, что сама категория свободы по-иному сложилась в русской культуре. Иную, нежели на Западе, свободу искал и ищет русский человек. Для русской культуры характерно особое сочетание свободы духа и свободы быта. Напротив, довольно равнодушно относились русские к столь ценным на Западе политическим и экономическим свободам.

Н. Бердяев писал, что «Россия – страна безграничной свободы духа...», что ее русский народ «никогда не уступит ни за какие блага мира», не предпочтет «внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и

земного благоустройства... Россия – страна бытовой свободы, неведомой народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей... Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на земле... Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей».

Пока что нет оснований думать, что сегодня русские, бросившись в бизнес, захотят лишиться этого типа свободы. Наоборот, для большинства «новых русских» этот бизнес – новое приключение, скитание по неведомым далям. Это – во многом духовные, хотя и дорогостоящие и даже разрушительные искания. Русский буржуа из них не вырастает. Это – новый вариант русского бунта, поистине бессмысленного и беспощадного.

Отнять силой или купить у русских эту свободу духа и быта нельзя. Но выманить обманом – технически возможно. Этим сейчас и занимается целая армия специалистов.

Глава 4. Основные доктрины манипуляции сознанием

§ 1. Технология манипуляции как закрытое знание

Иногда говорится, что манипуляция сознанием есть «колонизация своего народа». Постепенно, по мере накопления знания о человеке и его поведении, складывались доктрины манипуляции сознанием. Поскольку завоевание это тайное и успех в нем определяется умением «колонизаторов» не допустить организованного сопротивления, главные доктрины манипуляторов излагаются в туманной, завуалированной форме, в связи с частными косвенными вопросами.

Став инструментом буржуазных революций, манипуляция сознанием с самого начала получила щедрое финансирование класса собственников. Когда этот класс пришел к власти и создал свое принципиально новое, буржуазное государство, деятельность по манипуляции сознанием получила поддержку и защиту государства. Если полезно для дела, власти позволяют бунтовщикам погромить мэрию или даже дворец президента, но никогда не пустят в телецентр.

Разумеется, господствующее меньшинство старается не допустить массы к знанию доктрин и технологий манипуляции их сознанием. В основном это достигается щедрым вознаграждением «тех, кто с нами» и бойкотом «тех, кто не с нами». Всегда были ученые и философы, которым были противны повадки колонизаторов собственного народа. Но их было немного, и голос их удавалось утопить в шумовом оформлении. Но по крупницам собрать и откровения технологов этой власти, и наблюдения «тех, кто не с ними», мы можем. Их надо очистить от «шума», привести в систему, существенно прояснить вопрос.

Доктрины и развитые теории манипуляции сознанием сложились недавно, уже в XX веке, но главные камни в их основание были заложены уже теми, кто готовил буржуазные революции в Европе. Ведь фокус был в том, чтобы сделать эти революции чужими руками («пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»). Надо было буквально натравить простого человека на «старый порядок». Во всех странах Запада, где произошли великие буржуазные революции, ученые, философы и гуманистические деятели внесли свою лепту в это программирование поведения масс. В Англии – ньютонианцы, которые из новой картины мира выводили идеи о «естественном» характере конституции, что должна ограничить власть монарха («ведь Солнце подчиняется закону гравитации»). Ученый и философ Томас Гоббс развил главный и поныне для буржуазного общества миф о человеке как эгоистическом и одиноком атоме, ведущем «войну всех против всех» – *bellum omnium contra omnes*.

В наиболее чистом виде манипуляция сознанием как организованная кампания сложилась во Франции. Здесь общество было подготовлено к слому «старого порядка» полувековой работой Просвещения. Помимо великого дела по освобождению мышления человека и освоению им нового, научного мировоззрения, деятели Просвещения осуществили глубокое воздействие на сознание в чисто политическом плане. У той революции были вдумчивые наблюдатели. Один из них – англичанин Э.Берк. Свои наблюдения он собрал в книге «Размышления о революции во Франции». Вот что касается прямо нашей темы:

«Вместе с денежным капиталом вырос новый класс людей, с кем этот капитал очень скоро сформировал тесный союз, я имею в виду политических писателей. Немалый вклад внесли сюда академии Франции, а затем и энциклопедисты, принадлежащие к обществу этих джентльменов.

Писательские интриги несколько лет назад создали что-то наподобие регулярного плана разрушения христианской религии... Что не удавалось достигнуть на пути к их вели-

кой цели с помощью прямого или немедленного закона, могло быть достигнуто обходным путем – благодаря общественному мнению. Чтобы управлять общественным мнением, необходимо сделать первый шаг – оказать давление на тех, кто руководит. Они задумали методично и настойчиво добиваться этого всеми средствами литературной славы... Для восполнения недостатков аргументации в ход пошли интриги. К этой системе литературной монополии присоединилась беспрестанная индустрия очернительства и дискредитации любыми способами всех тех, кто не вошел в их фракцию...

Писатели, особенно когда они действуют организованно и в одном направлении, оказывают на общественное мнение огромное влияние, поэтому лояльность этих писателей плюс денежный капитал были немаловажными факторами в устранении народной зависти по отношению к тем, кто оказался приобщенным к благосостоянию. Эти писатели претендовали на огромный энтузиазм беднейших слоев населения, в то время как в своих сатирах они с ненавистью представляли чрезвычайно преувеличенно ошибки суда, аристократии и священнослужителей. Они стали демагогами, связующим звеном союза отвратительного благополучия с беспокойной и доведенной до отчаяния бедностью».

Во Франции денежные тузы привлекли литераторов и ученых, и они так воздействовали на общественное мнение, что сумели «отключить» естественное недоброжелательство бедных слоев народа к плутократам и натравить городскую бедноту на все устои старого режима. В своем роде это – блестящее достижение ума и слова. Орудием богачей стало именно то, что им враждебно, – стремление человека к равенству и справедливости.

Поскольку «властители дум» образовали сплоченное сообщество, в нем довольно быстро возникло самосознание и началась теоретическая работа. Так во Франции впервые появилось слово *идеология* и была создана влиятельная организация – «Институт», в котором заправляли идеологи. Они приняли в члены Института поднимающегося к власти Наполеона. В свою очередь, и он правильно оценивал важность этого союза и, будучи уже членом Директории, подписывался «Наполеон Бонапарт, член Института».

Отметим, что уже первые специалисты, которые назвали себя идеологами, определили две главные сферы духовной деятельности человека, которые надо взять под контроль, чтобы программировать его мысли, – *познание* и *общение*. В том «курсе идеологии», который они собирались преподавать правящей элите Франции, было три части: естественные науки, языкознание («грамматика») и собственно идеология. Итак, основа, в которую надо закладывать свои идеи-вирусы, построена из знаний о мире (и самом человеке) и из обмена сообщениями (информацией).

Именно в ходе Французской революции идеологи нового общества поняли, что главным средством власти будет в нем *язык*. Здесь сознательно пошли на планомерное, как в лаборатории, создание нового языка. Первопроходцем здесь был Лавуазье, который создал язык химии, но философское значение этого далеко выходило за рамки науки (кстати, английских богобоязненных химиков смелость Лавуазье ужаснула).

В то же время было осознано влияние на мысли людей количественной меры, *числа*, заменяющего наполненные тайным, неподконтрольным смыслом качества. И одним из первых крупнейших дел Французской революции в создании нового мироощущения для масс была разработка метрической системы мер. В ней участвовали виднейшие ученые и идеологи. С помощью этой системы мер были связаны сферы познания и языка. С помощью этого нового «языка точности» правящий слой стал господствовать над мыслями и словами о самых фундаментальных категориях бытия – пространстве и времени. Видный французский философ Мишель Фуко, который взялся за «раскопки смыслов», создавших современный Запад, утверждает определенно: «язык точности» (язык чисел) совершенно необходим для «господства посредством идеологии».

Тогда же современное общество стало создавать важнейший для господства класса собственников механизм – *школу* нового типа. Эта школа с первого класса делила поток учеников на два «коридора» – одни воспитывались и обучались так, чтобы быть способными к манипуляции чужим сознанием, а другие (большинство) – чтобы быть готовыми легко поддаться манипуляции. Школа стала фабрикой, «производящей» классовое общество.

Весь XIX век – это история того, как идеологи всех направлений (но все в рамках одной общей платформы – индустриализма, основанного на вере в прогресс и законы общественного развития) черпают доводы из неиссякаемого источника, *науки*. И превращают их в идеологическое оружие с помощью специально создаваемого языка и числа.

XX век – время создания крупных теорий и доктрин, а затем разработки на их основе мощных технологий манипуляции. И, конечно, время использования этих технологий в практике борьбы и господства. Коротко изложим некоторые концепции (доктрины), особенно необходимые для разговора о нынешнем состоянии дел.

§ 2. Учение о гегемонии Антонио Грамши

Антонио Грамши, основатель и теоретик Итальянской коммунистической партии, был арестован фашистами в 1926 г., заключен в тюрьму, освобожден больным по амнистии 1934 г. и умер в 1937 г. В начале 1929 г. ему разрешили в тюрьме писать, и он начал свой огромный труд «Тюремные тетради». Опубликован он был впервые в Италии в 1948–1951 гг., в 1975 г. вышло четырехтомное научно-критическое издание с комментариями. С тех пор переиздания на всех языках, кроме русского, следуют одно за другим, а исследовательская литература, посвященная этому труду, необозрима – тысячи книг и статей. На русском языке вышла примерно четверть «Тюремных тетрадей».

«Тюремные тетради» были написаны Грамши не для печати, к тому же под надзором тюремной цензуры. Читать их непросто, но усилиями большого числа «грамшеведов» восстановлен смысл почти всех материалов. В целом речь идет о важном вкладе почти во все разделы гуманитарного знания – философию и политологию, антропологию (учение о человеке), культурологию и педагогику. Этот вклад Грамши сделал, развивая марксизм и осмысляя опыт протестантской Реформации, Французской революции, русской революции 1917 г. и фашизма. Он создавал таким образом, новую теорию государства и революции – для современного общества (в развитие и, пожалуй, преодоление, ленинской теории, созданной для условий крестьянской России). Однако, работая ради победы коммунизма, Грамши сделал множество открытий общенаучного значения. Как известно, «знание – сила», и этой силой может воспользоваться любой, кто знание освоит и получит возможность применить. Теорией, созданной коммунистом, эффективно воспользовались враги коммунизма.

Если сегодня открыть крупную западную научную базу данных на слово «Грамши» (например, американскую базу данных «Dissertations Abstracts»), то поражает, какой широкий диапазон общественных явлений изучается сегодня с помощью учения Грамши. Это и ход разжигания национальных конфликтов, и тактика церковной верхушки в борьбе против «теологии освобождения» в Никарагуа, и влияние спорта на массовое сознание в США, и особенности нынешней африканской литературы, и эффективность тех или иных видов рекламы. Пожалуй, если 20–30 лет тому назад прагматическое западное обществоведение считало обязательным использовать для анализа всех важных общественных процессов методологию классического марксизма (конечно, наряду с другими), то сегодня считается необходимым «прокатать» проблему в понятиях и методологии Грамши.

Один из ключевых разделов труда Грамши – учение о *гегемонии*. Это – часть общей теории революции как слома государства и перехода к новому социально-политическому порядку. Вот, кратко, суть учения, прямо касающаяся проблемы манипуляции сознанием.

Согласно Грамши, развивающего мысль Макиавелли, власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на *согласии*. Механизм власти – не только принуждение, но и убеждение. Овладение собственностью, как экономической основой власти, недостаточно – господство собственников тем самым автоматически не гарантируется и стабильная власть не обеспечивается. Грамши – не идеалист, он подчеркивает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической». Но он уходит от «экономического детерминизма» истмата, который делает упор на базисе, на отношениях собственности. Согласно Грамши, экономика – скелет общества, а идеология – его «кожа».

Таким образом, государство, какой бы класс ни был господствующим, стоит на двух китах – силе и согласии. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия, Грамши называет *гегемонией*. Гегемония – не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный непрерывный процесс. При этом «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения». Иными словами, принуждение – лишь броня гораздо более значительного содержания. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но *благожелательное* (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Грамши дает такое определение: «Государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых». Понятно, что это – большое усложнение формулы «государство – это машина для подавления одного класса другим».

К близким выводам совсем иным путем пришли и другие крупные мыслители. Американский философ Дж. Уэйт, исследователь Хайдеггера, пишет: «К 1936 г. Хайдеггер пришел – отчасти ввиду его политического опыта в условиях нацистской Германии, отчасти как результат чтения работ Ницше, где, как мы легко могли убедиться, выражены фактически те же мысли, – к идее, которую Антонио Грамши (почти в это же время, но исходя из иного опыта и рода чтения) называл проблемой «гегемонии»: а именно, как править неявно, с помощью «подвижного равновесия» временных блоков различных доминирующих социальных групп, используя «ненасильственное принуждение» (включая так называемую массовую или народную культуру), так, чтобы манипулировать подчиненными группами против их воли, но с их согласия, в интересах крошечной части общества».

Если главная сила государства и основа власти господствующего класса – гегемония, то вопрос стабильности политического порядка и, напротив, условия его слома (революции) сводятся к вопросу о том, как достигается или подрывается гегемония. Кто в этом процессе является главным агентом? Каковы «технологии» процесса?

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии – «молекулярный» процесс. Он протекает не как столкновение классовых сил (Грамши отрицал такие механистические аналогии), а как невидимое, малыми порциями, изменение мнений и настроений в сознании каждого человека. Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли – условие революции.

Когда «кризис гегемонии» созрел и возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок, заставляющий большие массы людей перейти от пассивности к активной позиции. Грамши считает это цепной реакцией («цепочка синтезов») и называет *катарсисом* – подобно просветляющему коллективное сознание зрителей действию трагедии в театре. Переходя с

философского языка на язык войны, Грамши пишет: «Под соотношением военных сил следует понимать не только лишь факт наличия оружия и военных отрядов, но и возможность для партии парализовать основные нервные узлы государственного аппарата».

Создание условий для этого – длительная «молекулярная» агрессия в культурное ядро. Такая агрессия – не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, какое-то озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве».

Мы помним, как такое длительное усилие создавала идеологическая машина КПСС в ходе перестройки, прежде чем в сознании среднего гражданина было сломано культурное ядро советского общества и установлена, хотя бы на короткий срок, гегемония «рыночной идеологии». Вся эта «революция сверху» (по терминологии Грамши «пассивная революция») была в точности спроектирована в соответствии с учением о гегемонии и молекулярной агрессии в культурное ядро. Советник Ельцина философ А.И.Ракитов писал в академическом журнале «Вопросы философии»: «Трансформация российского рынка в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры».

На что в культурном ядре надо прежде всего воздействовать для установления (или подрыва) гегемонии? Вовсе не на теории противника, говорит Грамши. Надо воздействовать на обыденное сознание, повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия – неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру.

Грамши прекрасно отдавал себе отчет в том, что за обыденное сознание должны бороться как силы, защищающие свою гегемонию, так и революционные силы. И те и другие имеют шанс на успех, ибо культурное ядро и обыденное сознание не только консервативны, но и изменчивы. Та часть обыденного сознания, которую Грамши назвал «здравый смысл» (стихийная философия трудящихся), открыта для восприятия идей, служащих источником «освободительной гегемонии».

Если же речь идет о буржуазии, стремящейся сохранить или установить свою гегемонию, то ей важно этот здравый смысл нейтрализовать или подавлять, внедряя в сознание фантастические мифы.

Кто же главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии? Ответ Грамши однозначен: *интеллигенция*. Он развивает целую концепцию о сути интеллигенции, ее зарождении, роли в обществе и отношении с властью. Главная общественная функция интеллигенции – не профессиональная (инженер, ученый, священник и т. д.). Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса – главный смысл существования интеллигенции.

Самая эффективная гегемония идущей к власти буржуазии была достигнута во Франции, где быстро сложился тесный союз капитала и интеллигенции. Под этим союзом лежала тесная связь и буржуазии, и интеллигенции, с немецкой Реформацией, породившей мощные философские течения (говорят, «Кант обезглавил Бога, а Робеспьер короля»). Вообще, соединение протестантской Реформации с политической моделью Французской революции Грамши считает теоретическим максимумом в эффективности установления гегемонии.

Продавая свой труд, интеллигенция тянется туда, где деньги. Грамши пишет: «Интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления функций, подчиненных задачам социальной гегемонии и политического управления». Правда, всегда в обществе остается часть интеллигенции, которую Грамши называет «тра-

диционной», – та интеллигенция, которая служила группе, утратившей гегемонию, но не сменила знамя. Обычно новая получившая гегемонию группа старается ее приручить. Кроме того, общественные движения, созревающие для борьбы за свою гегемонию, порождают собственную интеллигенцию, которая и становится главным агентом по воздействию этих общественных сил на культурное ядро.

Это – очень короткое и упрощенное изложение некоторых пунктов учения Грамши. Грамши был одним из тех, кто заложил основы нового обществоведения, преодолевшего механицизм истмата (в его и марксистской, и либеральной версии). Недаром его имя называют в одном ряду с именами М.Бахтина в культурологии, М.Фуко и других новаторов в философии. Грамши – один из первых философов, которые почувствовали новую научную картину мира и перенесли ее главный дух в науку об обществе.

Истмат зародился в культуре, имеющей истоком механическую картину мира Ньютона, потому-то его метафоры и аллегории механистичны, как движение поршня в паровой машине. Как говорят, эта картина мира покоится на «*физике бытия*». Иная картина мира стала складываться в XX веке, в ней были учтены те «аномалии», которые исключались из механической картины – необратимости, нелинейности, флуктуации и цепные процессы, самоорганизация. Это – «*физика становления*». Главный ее интерес направлен на процессы перехода, изменения, катастроф.

Приведем несколько примеров тех общественных процессов, нынешнее изучение которых показало, что они протекали в соответствии с учением Грамши о гегемонии (в основном они взяты из американских диссертаций). Пожалуй, самое крупное подтверждение верности этого учения – успешная стратегия партии Индийский национальный конгресс по ненасильственному освобождению Индии от колониальной зависимости. Множеством «малых дел и слов» партия завоевала прочную культурную гегемонию в массе населения. Колониальная администрация и проанглийская элита были бессильны что-либо противопоставить – они утратили необходимый минимум согласия масс на поддержание прежнего порядка.

Другая блестящая и сознательно разработанная «операция» – мирный переход Испании после смерти Франко от тоталитарного и закрытого общества к либеральной рыночной экономике, федеративному устройству и демократии западного типа. Кризис гегемонии франкистской элиты был разрешен посредством серии пактов с претендующей на гегемонию левой оппозицией. В результате этих пактов и компромиссов левые были «приняты в элиту», а франкисты сменили одиозную окраску и фразеологию, стали «демократами». Левые же смогли «уговорить» массы потерпеть, отказаться от своих социальных требований – правые этого не смогли бы достичь.

Опираясь на теорию Грамши, культурологи объясняют роль вещи («ширпотреба») в установлении и поддержании гегемонии буржуазии в западном обществе. Вещи (материальная культура) создают окружающую среду, в которой живет средний человек. Они несут «сообщения», оказывающие мощное воздействие на обыденное сознание. Если же вещи проектируются с учетом этой их функции как «знаков» («информационных систем из символов»), то в силу огромных масштабов и разнообразия их потока они могут стать решающей силой в формировании обыденного сознания. Именно дизайн ширпотреба (особое место в нем занимает автомобиль) стал в США главным механизмом внедрения в сознание культурных ценностей (создания и сохранения «культурного ядра»). Специалисты особо отмечают способность этого механизма к эффективной «стандартизации и сегментации» общества.

Стандартизация и сегментация – важное условие гегемонии в гражданском обществе, где требуется сохранять «атомизацию» людей. Но в то же время надо соединять «сегменты» связями, не приводящими к органическому единству – безопасными для гегемонии. Как показали исследования по методологии Грамши, эффективным средством для этого стал в

США спорт. Он породил такие символы и образы, которые связывали мягкими, не ведущими к социальному единству связями самые разные сегменты общества – от негритянского дна до буржуазной элиты. Спорт создавал особый срез общей массовой культуры и обыденного сознания.

Интересны исследования отдельных более частных случаев, когда противостоящие силы сознательно планировали свою кампанию как борьбу за гегемонию в общественном сознании по конкретному вопросу. Так было, например, в кампании Тэтчер по приватизации в 1984–1985 гг. Английские профсоюзы, противодействующие приватизации, пытались склонить на свою сторону общественное мнение, но проиграли соревнование за гегемонию. В общем, англичане дали согласие на приватизацию и отшатнулись от тэтчеризма только когда испытали ее последствия на личном опыте.

Методология Грамши хорошо вскрывает суть деятельности созданной по инициативе Н.Рокфеллера «Трехсторонней комиссии» под руководством З.Бжезинского. Это – одна из самых закрытых и влиятельных теневых международных организаций. В нее входит около трех сотен членов из США, Европы и Японии. Цель ее – стабилизировать новый мировой порядок, добившись беспрепятственного доступа транснациональных корпораций во все страны мира, особенно в финансовую сферу и энергетику. Признано, однако, что в действительности Трехсторонняя комиссия способствовала возникновению нынешнего глобального финансового кризиса и в целом дестабилизации мира по сравнению с 70-ми годами. Но для нас важен другой вывод: эта теневая организация смогла мобилизовать во всех главных странах влиятельные силы для воздействия на общественное мнение так, чтобы «неприятные» последствия ее деятельности вообще исчезли из публичных дебатов. Эти силы (ученые, пресса, «духовные лидеры») смогли в мировом масштабе повлиять на обыденное сознание таким образом, что люди как бы перестали видеть очевидное. У них отключили «здравый смысл».

Наконец, совершенно в логике учения Грамши велся либеральной интеллигенцией подрыв гегемонии социалистических сил в странах Восточной Европы. В США сделаны диссертации о роли театра в разрушении культурного ядра этих стран. Так, например, рассмотрена работа известного в ГДР театра Хайнера Мюллера, который в своих пьесах ставил целью «подрыв истории снизу». Это – типичный пример «антиинституционального театра», то есть театра, подгрызающего общественные институты. Согласно выводам исследования, постановщики сознательно «искали трещины в монолите гегемонии и стремились расширить эти трещины – в перспективе вплоть до конца истории». Концом истории издавна было названо желаемое крушение противостоящего Западу «советского блока». Активную роль такой театр играл и в СССР в 70–80-е годы.

Почти все из глубоких мыслей и предупреждений, с которыми Грамши обращался к товарищам ради того, чтобы научиться мобилизовать здравый смысл людей, поднять массы трудящихся до уровня интеллигенции, было изучено и использовано его идейным противником в совершенно противоположных целях. Для подавления здравого смысла, для понижения человека, для эффективной манипуляции его сознанием, для усиления гегемонии господствующего меньшинства. Вершиной этой «работы по Грамши» была, конечно, перестройка в СССР.

§ 3. Психологическая доктрина

Учение Грамши рассматривает *человека общественного*, а не отдельную личность и не малые группы. Действующим лицом у Грамши являются массы, классы, социальные слои, сферы деятельности, государство. С другой стороны подходит к вопросу манипуляции сознанием та доктрина, что сложилась постепенно в рамках психологических наук (пси-

хология личности и социальная психология, психоанализ). Важной основой послужило и учение о высшей нервной деятельности (особенно теория условных рефлексов) И.П.Павлова. В этой обширной области знания на первое место при выработке собственно доктрины программирования поведения человека вышел к 50-м годам нашего века *психоанализ* – учение (выходящее за рамки строгой науки), созданное Зигмундом Фрейдом и развиваемое его последователями.

Уже с конца XIX века ряд европейских ученых (особенно Гюстав Ле Бон) акцентировали внимание на значении *внушения* в общественных процессах. Они выдвинули даже гипотезу о наличии у человека «инстинкта подчинения». В 1903 г. русский психофизиолог В.М.Бехтерев издал книгу «Внушение и его роль в общественной жизни». Он описал явление массового внушения под влиянием «психического заражения», то есть при передаче информации с помощью разных знаковых систем.

У Бехтерева внушение уже прямо связывается с манипуляцией сознанием, поскольку представляет собой «вторжение [в сознание] посторонней идеи без прямого и непосредственного участия в этом акте «Л» субъекта». В этом принципиальное отличие внушения от *убеждения*. Производится ли внушение словами или другими знаками, «везде оно влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу без соответствующей переработки, благодаря чему происходит настоящее прививание идеи, чувства, эмоции или того или иного психофизического состояния».

Убеждение предполагает активное участие субъекта, ибо ему предлагается ряд доводов, которые он осмысливает и принимает или отвергает. Бехтерев подчеркивал, что внушение, напротив, «обходит» разум субъекта. Оно эффективно, когда удается приглушить активность сознания, усыпить часового: «Внушение, в отличие от убеждения, – писал Бехтерев – проникает в психическую сферу помимо личного сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как всякий предмет пассивного восприятия».

В 30—40-е годы XX века возобладала иная точка зрения, отрицающая иррациональный процесс внушения. Наоборот, была принята теория рациональности внушения. Согласно этой теории, при внушении человек не меняет свои убеждения и оценки, а меняет *объект* оценки. То есть, с помощью внушения в сознании производят подмену объекта суждения, так что человек мысленно восклицает: «Ах, вот оно что! Вот кто виноват!» и т. п.

Эта подмена производится путем умелого создания такого *контекста*, в котором мысли человека идут в нужном для манипулятора направлении. На этой теории была основана так называемая «комментированная пресса» – в ней сообщение о факте сопровождается *интерпретацией* комментатора, который предлагает читателю или слушателю несколько разумных вариантов объяснения. В рамки этих вариантов загоняется мысль – но все же *мысль* человека. От ловкости комментатора зависит сделать необходимый манипулятору вариант наиболее правдоподобным.

Однако возможности такого «рационального внушения» оказались довольно скромными. И в 50-е годы стержнем всей доктрины стал психоанализ и прежде всего, учение о *подсознании*. Фрейд оформил мысль, которая витала в воздухе: в подсознании таится страшная сила. Ее можно направить как на поддержку, так и на отрицание какого-то утверждения или явления (например, политической программы).

Эта ориентация (перенос, канализирование) подсознания названа «*проекцией*» (К.Г.Юнг). Юнг пишет: «*Проекция* – психологический феномен, под которым следует понимать перенос содержимого сферы бессознательного на некий объект; в этом объекте скрытое прежде содержимое бессознательного находит свое проявление... Своей высшей формы проекция достигает в политической пропаганде».

Считается, что утверждению психоанализа как основы доктрины манипуляции сознанием способствовали успехи ее применения в области *рекламы*. Но, по существу, на практике идеями психоанализа (не ссылаясь, конечно, на Фрейда) еще раньше воспользовались в своей очень эффективной пропаганде фашисты. Они обращались не к рассудку, а к *инстинктам*. Чтобы их мобилизовать, они с помощью целого ряда ритуалов превращали аудиторию, представляющую разные слои общества, в *толпу* – особую временно возникающую общность людей, охваченную общим влечением.

Один из близких к Гитлеру интеллектуалов, архитектор А.Шпеер пишет в своих воспоминаниях: «И Гитлер, и Геббельс знали, как разжигать массовые инстинкты на митингах, как играть на страстях, прячущихся за фасадом расхожей респектабельности. Опытные демагоги, они умело сплавляли заводских рабочих, мелких буржуа и студентов в однородную толпу, формируя по своей прихоти ее суждения».

Фашисты исходили из фрейдистского сексуального образа: вождь-мужчина должен соблазнить женщину-массу, которой импонирует грубая и нежная сила. Это – идея-фикс фашизма, она обыгрывается непрерывно. Вся механика пропаганды представляется как *соблазнение* и доведение до иступления («фанатизация») женщины. Гитлер писал в «Майн кампф»: «В подавляющем большинстве простые люди имеют настолько женскую природу, что рассуждение возбуждает их мысли и их действия в гораздо меньшей степени, чем чувства и эмоции. Их чувства несложны, они очень просты и ограничены. В них нет оттенков, все для них – любовь или ненависть, правильное или ошибочное, правда или ложь». Приемы совращения такой *массы-женщины*, манипуляции ее сознанием – отдельная, довольно подробно изученная тема.

Здесь – опора на первый главный в учении Фрейда сексуальный инстинкт, *Эрос* (в психоанализе слово «инстинкт» имеет иной, нежели в физиологии, смысл; это не безусловный рефлекс, а влечение). Кстати, сам Фрейд был восхищен новаторством фашистской пропаганды и в 1933 г. подарил Муссолини свою книгу, назвав его в посвящении «Героем Культуры».

Второй блок приемов, с помощью которых фашисты фанатизировали массы, обращаясь к подсознанию, опирается на другой главный в психоанализе Фрейда инстинкт – инстинкт смерти, *Танатос*. Культ смерти пронизывает всю риторику пропаганды фашистов. «Мы – женихи Смерти», – писали фашисты-поэты. Режиссеры массовых митингов-спектаклей возродили древние культовые ритуалы, связанные со смертью и погребением. Цель их была в том, чтобы разжечь, особенно в молодежи, архаические взгляды на смерть, предложив, как способ ее «преодоления», самим стать служителями Смерти (так удалось создать особый тип армии – СС).

В США основные понятия психоанализа начал приспособлять для целей рекламы ученик Фрейда Эрнст Дихтер, психолог из Вены, который эмигрировал в США в 1938 г. Начал он с рекламы мыла, потом автомобилей, а на волне повального увлечения американцев психоанализом сделал немислимую карьеру. Он создал «Американский институт по изучению мотивации поведения». Принципиально отвергая теорию рационального внушения, он утверждал даже, что главная ценность товара для покупателя заключается не в его функциональном назначении, а в удовлетворении запрятанных глубоко в подсознании желаний, о которых сам покупатель может даже не подозревать. В большинстве случаев это темные инстинкты и тайные желания, «вытесненные» в подсознание именно потому, что они неприемлемы для сознания.

По мнению Дихтера, рекламные агентства в США стали «самыми передовыми лабораториями психологов». Они «манипулируют мотивацией и желаниями человека и создают потребность в товарах, с которыми люди еще незнакомы или, возможно, даже не пожелали бы их купить».

Успех института Дихтера в манипуляции поведением покупателей (а доходы института уже в середине 50-х годов составляли баснословные по тем временам суммы) привлек политиков. Так из рекламы товаров психоанализ был перенесен в манипуляцию сознанием в политической сфере. В принципе задачи были схожи. Как пишет журнал «Тайм», «политическая реклама приближается к коммерческой, просто-напросто заменяя товар кандидатом». В 1960 г. Дихтер был советником в избирательной кампании Кеннеди. После выборов стало возможным проверить эффективность его рекомендаций на огромном статистическом материале. Его стали привлекать как консультанта в избирательных кампаниях в международном масштабе.

В 1957 г. принципы использования психоанализа в рекламе обобщил известный американский социолог Вэнс Пэккард в своем бестселлере «Тайные искусители». Эта книга до сих пор считается классическим трудом в рекламном деле. В дальнейшем психоанализ стал дополняться методами герменевтики, семиотики (науки о символах), этнографии и культурологии – оставаясь ядром междисциплинарного подхода.

Вслед за институтом Дихтера в США возникли другие известные исследовательские центры, где изучались возможности использования психоанализа для манипуляции сознанием – уже по более частным направлениям. Известный психолог Луи Ческин, который также одним из первых применил психоанализ в рекламе, директор «Американского института по исследованию цвета», вел обширные работы по воздействию на подсознание с помощью окраски. На этих работах строилась реклама таких фирм, как «Проктер энд Гэмбл» (парфюмерия), «Филип Моррис» (сигареты), «Дженерал Фудс» (пищевые продукты). Все это товары массового спроса, и полученный при их продаже статистический материал был огромен, так что Луи Ческин имел хороший объект исследования и получил впечатляющие результаты. По ним можно было определить, например, какие эмоции возбуждает в подсознании цветовая гамма избирательного плаката в приличных кварталах и в трущобах, у людей разного возраста, с разными доходами и уровнем образования, разной национальности и т. д.

На радиовещании велись исследования того, как влияет на подсознание пол диктора, тональность и тембр голоса, темп речи. Все эти параметры стали подбирать в зависимости от того, какие струны в подсознании требовалось затронуть при том или ином сообщении. Во время избирательной кампании Кеннеди психоаналитики предсказывали, что в радиодebатах он будет проигрывать Никсону в определенных штатах из-за слишком высокого голоса и «гарвардского акцента» – там низкий и грубоватый голос Никсона будет восприниматься как более искренний. Кеннеди советовали при любой возможности избегать радио и использовать телевидение – при зрительном восприятии проигрывал образ Никсона. После выборов анализ голосования в разных аудиториях подтвердил расчеты аналитиков.

Важное направление в использовании психоанализа открыл Джеймс Вайкери – он изучал подсознательный фактор в семантике, то есть воздействие *слова* на подсознание. Известно, например, что на подсознание сильно действует слово *жизнь* и производные от него, в том числе приставка *био-*. Она к тому же имеет добавочную силу оттого, что ассоциируется с наукой и пользуется ее авторитетом. Поэтому в рекламе эти знаки используются очень широко. Стоит бросить взгляд на московскую газету, и сразу бросается в глаза: «Магазин здоровья – БиоНормалайзер», «Лавка Жизни... Молодая грудь... Биомаска для груди за 100 руб.» и т. д. Отработанные на массовом объекте в области рекламы в торговле, найденные методы и приемы семантики были перенесены затем в идеологическую и политическую сферы.

Пожалуй, самую широкую известность принесло Вайкери не это фундаментальное направление, а открытие, названное им «сублиминальной» (т. е. подсознательной) рекла-

мой или *сублиминальным кино*⁵. Известно, что процессы восприятия нелинейны, они имеют четко выраженные пороги. В сознание человека поступают только те сигналы, которые по своей силе и продолжительности превышают некоторый порог, а остальные, более слабые и краткосрочные сигналы (шумы) отсеиваются. Но что с ними происходит?

Вайкери договорился с владельцем кинотеатра в Нью-Джерси и провел такие опыты. Он поставил второй кинопроектор, который в промежутках между кадрами кинофильма на короткое мгновение (0,003 секунды) проецировал на экран слова «Кока-кола» и «Ешьте попкорн» (воздушная кукуруза). Эти сигналы были ниже порога восприятия, так как сознание фиксирует зрительные образы, которые задерживаются не менее 0,05—0,06 секунды. Сигналы, посылаемые вторым проектором, сознание зафиксировать не могло. Даже те, кто был предупрежден, не смогли заметить этих кадров. Но глаз-то их видел, и Вайкери предположил, что сигналы отпечатываются где-то в подсознании.

Эти опыты продолжались несколько месяцев и давали устойчивый результат: на тех сеансах, на которых включался второй кинопроектор с рекламой, продажа кока-колы в буфете выросла на 16 %, а продажа воздушной кукурузы на 50 %. Для рекламы подобных продуктов эффективность была беспрецедентной. Но главное заключалось в новой возможности манипулировать поведением человека вообще – с помощью разных сигналов, посылаемых ему с интенсивностью выше «порога регистрации» (глазом, ухом, обонянием), но ниже «порога восприятия» (сознанием). Это получило название воздействия на подсознание на уровне *подвосприятия* (subperception). Вскоре после опытов Вайкери исследования в этом направлении почти исчезли из открытой печати.

Использование сублиминального воздействия запрещено в рекламе. Однако наличие в видеороликах «25-го кадра» обнаруживается только с помощью аппаратуры. Примечательно, что в России ни разу не было сделано официального заявления о том, существует ли на российском телевидении обязательный контроль рекламы (и вообще передач) на отсутствие в них знаков подпорогового действия. Более того, в Москве широко рекламируются видеокурсы иностранных языков фирмы «Intellect», которые, как сказано, «делают возможным запоминание за 60 часов занятий от 2000 слов, которые остаются в памяти на долгие годы, даже если язык не используется». Основаны эти курсы якобы на сублиминальном воздействии. В рекламе так и сказано: «25-й кадр из-за сверхвысокой эффективности был запрещен в рекламе. Но не в образовании. Начиная с 50-х годов методика интенсивного обучения использовалась спецслужбами разных стран для подготовки агентов и дипломатов!». И вот теперь – доступна для всех простых россиян. За небольшую плату в память будут вбиты 2000 слов, которые застрянут там навсегда «даже если язык не используется». Иными словами, реклама прямо обещает, что человек будет искалечен, ибо память может работать, только непрерывно очищаясь от того, что не используется. Без забывания нет активной памяти.

Из психоанализа в доктрину манипуляции сознанием перешло важнейшее для этого дела понятие «*психологическая защита*». Вначале этим понятием обозначалось явление личностное, потом рамки расширились, и стали говорить о «психологической защите» в межличностных отношениях, а затем и межгрупповых. Сейчас, например, в прикладной психологии есть направление, занятое постановкой психологической защиты делегаций, отправляющихся на переговоры.

---

⁵ В популярную литературу на русском языке вошло слово «*сублиминальное*» кино. Видимо, по недоразумению открытие Вайкери связали с понятием психоанализа *сублимация* (т. е. возгонка, очищение). Под сублимацией понимается переключение энергии психических влечений с сексуальных объектов на более возвышенные цели, например, на художественное творчество (Э.Фромм). К сублиминальным воздействиям это отношения не имеет. Иногда в русской литературе открытый Вайкери способ воздействия называется «*окултным внушением*». Это тоже неудачный перевод слова *occult*, что в данном случае значит просто «скрытый». В русский же язык слово «*окултный*» вошло в смысле «тайный мистический», что никакого отношения к скрытому внушению Вайкери не имеет.

Поставил проблему защитных механизмов психики, противодействующих внедрению извне, сам З.Фрейд (в связи с сопротивлением пациента терапевтическому воздействию психоаналитика). Последователи Фрейда разработали разделы проблемы – выявили те «границы», те структуры психики, которые находятся под защитой (например, образ *Я*, самооценка), основные классы угроз и ущерба, признаки «запуска» механизма защиты (возникновение тревоги) и главные средства этого механизма.

Понятно, что успех манипуляции сознанием наполовину зависит от умения нейтрализовать, отключить средства психологической защиты каждой личности и общественных групп. Поэтому весь накопленный в психоанализе интеллектуальный багаж был воспринят теми, кто посвятил себя разработке технологии манипуляции. Главное, пожалуй, было взято уже не из классического психоанализа личности, а из учения о коллективном бессознательном. К нашей проблеме прямо относится развитая Карлом Густавом Юнгом в книге «Архетип и символ» идея о защитной роли *символов*.

Родившись как тип власти вместе с капитализмом и идеологией, манипуляция сознанием как раз и стала возможной благодаря тому, что был снят тот защитный пояс символов, который придавал прочность сознанию христианской Европы Средневековья. Протестантизм, дав этическую основу для капитализма, одновременно разрушил священные образы.

Карл Густав Юнг пишет: «Бессознательные формы всегда получали выражение в защитных и целительных образах и тем самым выносились в лежащее за пределами души космическое пространство. Предпринятый Реформацией штурм образов буквально пробил брешь в защитной стене священных символов... История развития протестантизма является хроникой штурма образов. Одна стена падала за другой. Да и разрушать было не слишком трудно после того, как был подорван авторитет церкви. Большие и малые, всеобщие и единичные, образы разбивались один за другим, пока наконец не пришла царствующая ныне ужасающая символическая нищета... Протестантское человечество вытолкнуто за пределы охранительных стен и оказалось в положении, которое ужаснуло бы любого естественно живущего человека, но просвещенное сознание не желает ничего об этом знать, и в результате повсюду ищет то, что утратило в Европе».

Можно считать, что Реформация (эта «великая Перестройка Европы») задала всем будущим манипуляторам главный принцип: перед овладением умами людей необходима подготовка – разрушение священных образов («штурм символов»). Ниже мы рассмотрим на ряде примеров, как проводилась эта подготовка в годы нашей перестройки (которую А.Н.Яковлев уподобил уже Реформации).

Сегодня проблема психологической защиты (и ее нейтрализации) продолжает развиваться и в струе внутриличностного психоанализа. Важной концепцией стало представление психики человека как арены борьбы множества составляющих его «субличностей» – частичных *Я*. В этой борьбе верх может брать то одна, то другая ипостась человека, то одна, то другая сторона его *Я*. Этот «победитель» и программирует поведение⁶. С этой точки зрения, задача манипулятора – правильно определить, на какое *суб-Я* ему выгоднее всего ставить и как помочь этому частичному *Я* одолеть в человеке своих противников.

Толчок разработке этой концепции, видимо, дала психоаналитическая интерпретация романа Достоевского «Братья Карамазовы». Согласно этой трактовке, совокупность всех членов семьи Карамазовых, включая «незаконорожденного» Смердякова вместе и составляет человеческую личность. В ней происходит непрерывная борьба рассудочного Ивана со страстным Митей и чистым душой Алешей, с похотливым стариком Карамазовым и подлым Смердяковым. И в кульминационный момент верх берет Смердяков при тайном союзе

---

⁶ В популярной американской книге Л.Прото «Кто играет на ваших струнах» личность представлена как марионетка, за управляющие нити которой дергает около десятка скрытых в ее сознании человечков.

с разумом и моралью Ивана. Сейчас говорится, впрочем, что Достоевский так изобразил именно русского человека, но это уже конъюнктура, проблема глубже.

Пожалуй, можно считать бедствием рода человеческого тот тяжелый вывод, к которому пришли прагматики от психоанализа, подрядившиеся сначала манипулировать сознанием в коммерческой рекламе, а потом и в политике: проще всего манипулятору войти в союз с низкими и темными *суб-Я* человека. Легче возбудить и превратить в мощный импульс порочные, подавляемые влечения, усилить и «подкупить» их, побудить сделать противное всей личности в целом дело. Пусть эта победа союза манипулятора с низменной ипостасью человека временна и даже краткосрочна. Для целей манипуляции этого обычно достаточно, ему важно добиться нужного поступка – пусть потом разум и совесть человека раскаиваются. Как любят говорить, прыгая от радости, все манипуляторы, «поезд уже ушел». Склонность именно низких черт характера к заключению союза с «внешним врагом» – манипулятором – есть общий вывод множества исследований. А бедствием человечества это стало потому, что именно на этой основе возникла огромная индустрия активизации низменных влечений человека, которая непрерывно отравляет всю массовую культуру и сферу общения.

Социальная психология имеет в качестве объекта не отдельную личность, а *группы* людей. С точки зрения возможности манипулировать поведением групп и даже масс, большое значение для возникновения целого большого направления социальной психологии имели книги Гюстава Ле Бона «Психология масс» и «Душа толпы». Идеи, высказанные Ле Боном, дополняли и развивали многие психологи и философы (например, и З.Фрейд в книге «Массовая психология и анализ человеческого Я»). На прошедшей в середине 1990-х годов в США дискуссии о месте социальной психологии ее прикладная роль была определена инициатором дискуссии четко – «разработка систематизированных техник формирования образа мыслей и поведения людей в отношении друг друга, то есть разработка поведенческих технологий».

При этом из литературы по социальной психологии видно, что «коррективы в поведение» эти технологии предполагают вносить *без ведома* субъектов человеческих отношений. Иными словами, речь идет именно о манипуляции, а не обучении или свободном выборе. Эта установка выражена и в президентском обращении Г.Оллпорта, избранного в 1947 г. президентом созданного тогда Отделения социальной психологии Американской психологической ассоциации – никаких сомнений в праве психологов корректировать поведение людей без их ведома и согласия⁷. Начиная с 60-х годов социальная психология перешла к массивным экспериментальным исследованиям, на базе которых и вырабатывались «поведенческие технологии». Конечно, социальная психология к выработке методик манипуляции не сводится, но для нас здесь важна именно эта сторона.

В рамках психологической доктрины развивается с начала века и другое, параллельное психоанализу течение – *бихевиоризм* (от слова *behavior* – поведение). Его основатель Д.Уотсон еще в 1914 г. заявил, что «предметом психологии является человеческое поведение». Позже он даже утверждал, что любого младенца можно превратить в судью или преступника. Иными словами, технологии манипуляции и программирования всеильны. В отличие от психоанализа, бихевиористы отвлекаются от всех субъективных факторов (мышление, эмоции, влечения и т. д.) и рассматривают поведение исключительно как функцию внешних стимулов. Это – крайне механистическое представление человека, который рассматривается как машина, управляемая извне с присущим машине детерминизмом (точной предопределенностью реакции в ответ на управляющее воздействие).

---

⁷ Это при том, что этический кодекс Американской психологической ассоциации требует, чтобы объекты психологических опытов были информированы о всех последствиях эксперимента и заявили о добровольном согласии в нем участвовать.

В 70-е годы бихевиоризм поднялся от простых механистических аналогий к понятиям кибернетической машины (необихевиоризм, связанный с именем Фредерика Скиннера из Гарвардского университета). Автоматизировав свои лабораторные устройства, Скиннер провел огромное число экспериментов на животных, а потом и на человеке. В своей популярной книге «Поведение животных» виднейший специалист в этой области Н. Тинберген уклончиво говорит о трудах основателя необихевиоризма: «В этих книгах, вызвавших бурю споров, Скиннер излагает свое убеждение, что человечество может и должно обучиться «приемлемым» формам поведения».

Гораздо определеннее выражается современный авторитет в области психоанализа Э. Фромм: «Психология Скиннера – это наука манипулирования поведением; ее цель – обнаружение механизмов «стимулирования», которые помогают обеспечивать необходимое «заказчику» поведение»⁸.

По мнению Фромма, в США «невероятную популярность Скиннера можно объяснить тем, что ему удалось соединить элементы традиционного либерально-оптимистического мышления с духовной и социальной реальностью». Иными словами, он вновь дал среднему классу США надежду на то, что держать человека под контролем можно, причем даже без ядерного оружия.

Фромм пишет: «В кибернетическую эру личность все больше и больше подвержена манипуляции. Работа, потребление, досуг человека манипулируются с помощью рекламы и идеологий – Скиннер называет это «положительные стимулы». Человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе; становится полностью «отрегулированным» и обучается тому, что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создает ему большие неудобства; фактически он уже есть тот, кем он должен быть. Если он пытается быть самим собой, то ставит под угрозу – в полицейских государствах свою свободу и даже жизнь; в демократических обществах возможность продвижения или рискует потерять работу и, пожалуй самое главное, рискует почувствовать себя в изоляции, лишенным коммуникации с другими».

Заметим, что виднейший антрополог и исследователь поведения К. Лоренц, с которым во многих пунктах расходится Фромм, также категорически не приемлет бихевиоризма и объясняет популярность в США этого учения склонностью к «техноморфному мышлению, усвоенному вследствие достижений в овладении неорганическим миром, который не требует принимать во внимание ни сложные структуры, ни качества систем... Бихевиоризм доводит его до крайних следствий. Другим мотивом является жажда власти, уверенность, что человеком можно манипулировать посредством дрессировки».

К. Лоренц видит в бихевиоризме реальную опасность для человечества: постоянное «воспитание» человека с помощью методов бихевиоризма грозит превратиться в мощный фактор искусственного отбора, при котором будут вытеснены, а потом и исчезнут именно те люди, в которых ярко выражены самые прекрасные высокие качества⁹.

---

⁸ Излагая учение бихевиоризма, Фромм поднимает общую проблему отношений науки и морали. Скиннер принципиально уходит от вопроса целей воспитания. Он в своей лаборатории отыскивает только методы воздействия на поведение. «Когда же мы от лабораторных условий переходим к условиям реальной жизни, – пишет Фромм, – то возникают серьезные трудности, связанные как раз с вопросами: зачем человека подвергают манипуляции и кто является заказчиком». На деле и поиск методов вовсе не является нравственно нейтральным, и в текстах Скиннера можно выявить его ценностные установки.

⁹ Понятно, что «приемлемое» поведение с точки зрения социальных и культурных норм США в данный исторический период предполагает именно посредственный профиль качеств. Фромм подводит итог довольно общему мнению: «В конечном счете бихевиоризм берет за основу буржуазную аксиому о примате эгоизма и собственной пользы *над всеми другими* страстями человека» (курсив Фромма).

Но это, впрочем, нравственная оценка, а нам сейчас важен сам факт: бихевиоризм стал важной составной частью доктрины манипуляции сознанием, разрабатываемой в области психологических наук.

§ 4. Социодинамика культуры

Третья доктрина питается знаниями, полученными в большой междисциплинарной области, которую можно обозначить как *социодинамика культуры*. Это знания о том, как вырабатываются, хранятся, передаются и воспринимаются продукты культуры – идеи, фактическая информация, художественные образы, музыкальные произведения и пр. Это и теории образования, и исследования в области языка, и информационные науки. Конечно, в какой-то степени социодинамика культуры перекрывается с психологией и тесно связана с учением о гегемонии, о котором говорилось выше. Но главное, что это – представление всего движения элементов культуры как большой системы, которой можно управлять. А значит, регулировать потоки так, чтобы побуждать «потребителей культуры» к тому или иному типу поведения.

Хотя социодинамика культуры занимается в основном количественным анализом структурных закономерностей движения «продуктов культуры» в обществе, отвлекаясь и от содержания отдельного сообщения, и от проблем отдельной личности, многие формальные выводы исследований имеют практическое значение для воздействия на человека. Любая попытка манипуляции сознанием требует, как говорят, «подстройки» к аудитории. Для этого нужно определить ее культурный профиль, язык, тип мышления, характер восприятия сообщений. Такие данные и предоставляет социодинамика культуры. Технологически более совершенные программы манипуляции предполагают не просто «подстройку», но и специальные усилия по формированию культурной среды, подготовки адресата к восприятию манипулирующих сообщений, «изготовление» мнений и желаний, на которых можно играть. Это – предмет исследований той же дисциплины.

Общепризнанно, что бурное развитие исследований в области социодинамики культуры резко увеличили мощность, эффективность воздействия средств массовой информации. С какой целью и кому во благо – второй вопрос. Как заметил А.Эйнштейн, «совершенные средства при неясных целях – характерный признак нашего времени» (или, как более цинично выразился Пикассо, «сначала я нахожу, потом я ищу»). Впрочем, «неясность целей» часто вызвана сознательно поставленной дымовой завесой.

Первый, наиболее фундаментальный (для нашей проблемы) вывод социодинамики культуры состоит в том, что буржуазное общество, в отличие от сословных обществ, породило совершенно новый тип культуры – *мозаичный*. Если раньше, в эпоху гуманитарной культуры, свод знаний и идей представлял собой упорядоченное, иерархически построенное целое, обладающее «скелетом» основных предметов, главных тем и «вечных вопросов», то теперь, в современном обществе, культура рассыпалась на мозаику случайных, плохо связанных и структурированных понятий. Живущее в потоке такой культуры общество иногда называют «демократия шума».

Гуманитарная культура передавалась из поколения в поколения через механизмы, генетической матрицей которых был *университет*. Он давал целостное представление об универсуме – Вселенной, независимо от того, в каком объеме и на каком уровне давались эти знания (советский букварь был построен по типу университета – для малыша). Скелетом такой культуры были дисциплины (от латинского слова, которое означает и ученье, и розги).

Напротив, мозаичная культура воспринимается человеком почти произвольно, в виде кусочков, выхватываемых из омывающего человека потока сообщений. В своем кратком, но очень хорошем изложении сущности мозаичной культуры известный специалист по

средствам массовой информации А.Моль в книге «Социодинамика культуры» (1967) объясняет, что в этой культуре «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования».

Мозаичная культура и сконструированная для ее воспроизводства новая школа («фабрика субъектов») произвели нового человека – «человека массы» (его крайнее состояние – *толпа*). О нем с пессимизмом писал философ Ортега-и-Гассет в известном эссе «Восстание масс». Для нас главное, что этот «человек массы» – идеальный объект для манипуляции сознанием. Он вполне соответствует, даже составляет единство с породившей его (и порожденной им) культурой и ее институтами. В мозаичной культуре, пишет А.Моль, «знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации».

Э.Фромм подчеркивал, что СМИ лишают человека способности составить целостную картину мира, подменяют ее мозаикой из массы разрозненных и не связанных между собой фактов. Это приводит не только к подавлению способности к критическим суждениям, но и действует угнетающе на эмоциональную сферу человека.

Запад пережил огромный эксперимент – *фашизм*. Оказалось, что в атомизированном обществе овладение средствами массовой информации позволяет осуществить полную, тотальную манипуляцию сознанием и вовлечь практически все общество в самый абсурдный, самоубийственный проект. Соратник Гитлера А.Шпеер в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе признал: «С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление».

Социодинамика культуры – слишком обширная область, и мы будем прибегать к ее понятиям при разговоре о конкретных приемах или эпизодах манипуляции сознанием. Здесь отметим только, что из выросшей на этом знании доктрине (так же, как и из учения о гегемонии) следует принципиальное положение: если надо «промыть мозги» целому обществу, совершить над ним крупную программу манипуляции и отключить здравый смысл нескольких поколений, требуется разрушить систему «университетского», дисциплинарного образования и заменить гуманитарную культуру культурой мозаичной. Для этого манипуляторы необходимо овладеть *школой* и *средствами массовой коммуникации*. При этих условиях можно добиться большего или меньшего успеха, но если эти условия не обеспечены, успеха достичь почти невозможно.

Литература

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: Пер. с нем. М., Прогресс, 1988.

Грамши А. Искусство и политика: Пер. с итал. В 2-х т. М., Искусство, 1990, 1991.

Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 1999.

Доценко Е. Психология манипуляции. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., Алгоритм, 2000.

Кассирер Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляция. М., 2001.

Лебон Г. Психология масс. М., 2000.

Лимнатис Н. Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия. Философский и социально-политический анализ. М., «Экономическая демократия», 2000.

- Маркузе Х. Одномерный человек. Пер. с англ. М., 1994.
- Моль А. Социодинамика культуры. Пер. с франц. М., Прогресс, 1973.
- Московичи С. Век толп. Пер. с франц. М., 1996.
- Паренти М. Демократия для немногих: Пер. с англ. М., 1990.
- Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам (пер. с англ.). Н.-Новгород, 1992.
- Расторгуев СП. Анатомия причинно-следственных связей. М., 2002.
- Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Пер. с англ. М., 1995.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., Медиум, 1995.
- Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., Политиздат, 1991.
- Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001.
- Федякин И.А. Общественное сознание и массовая коммуникация в буржуазном обществе. М., 1988.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с англ. М., Республика, 1994.
- Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 1998.
- Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1989.
- Цуладзе А. Политическая мифология. М., Алгоритм, 2002.
- Шиллер Г. Манипуляторы сознанием: Пер. с англ. М., Мысль, 1980.
- Шостром Э. Антикарнеги или человек-манипулятор: Пер. с англ. Минск, 1992.
- Юнг К.Г. Собр. соч. Психология бессознательного: Пер. с нем. М., Канон, 1994.
- Chomsky N. Necessary Illusions. Thought Control international Democratic Societies. Boston: South End Press, 1990.

Раздел II. Главные мишени манипуляторов сознанием: знаковые системы

Человек живет в мире природы и мире культуры. На характер окружающей среды можно посмотреть и под другим углом зрения. Человек живет в двух мирах – мире *вещей* и мире *знаков*. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком – материальный субстрат нашего мира. Мир знаков связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями¹⁰. В целом мир знаков – первая мишень для манипуляторов. XX век показал немислимые ранее возможности использования знаковых систем как средства власти.

Выделяя в этой главе для анализа мир знаков, мы должны помнить, что при этом мы пользуемся *абстракцией*. На деле мир вещей и мир знаков перекрываются, разделить их невозможно. Многие вещи, вроде бы предназначенные для какой-то «полезной» цели, на самом деле дороги нам как образы, знаки, отражающие человеческие отношения. Старая чашка, модное платье, мотоцикл – все это образы, несводимые к материальным функциям, но они воплощены в вещах.

Сосредоточим внимание на «наименее материальных» знаках.

---

¹⁰ Даже такой привычный вид знаков, как деньги (возникшие как раз чтобы соединить мир вещей и мир знаков), полон тайн. Деньги с древности стали неисчерпаемым источником трюков и манипуляций.

Глава 5. Оснащение ума: язык слов

§ 1. Магическая сила слов

В мире культуры, который окружает человека, выделяется особый мир слов – *лого-сфера*. Он включает в себя язык как средство общения и средство «вербального мышления», в котором мысли облачаются в слова.

Язык как система понятий, слов (имен), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное *средство подчинения*. «Мы – рабы слов», – сказал Маркс, а потом это повторил Ницше. Есть мнение, основанное на догадке Б.Ф.Поршнева, что первоначальной функцией слова на заре человечества было его *суггесторное* воздействие – внушение, подчинение не через рассудок, а через чувство.

Известно, что даже современный, рассудочный человек ощущает потребность во внушении. В моменты житейских неурядиц мы ищем совета у людей, которые вовсе не являются знатоками в возникшей у нас проблеме. Нам нужны именно их «бессмысленные» утешения и увещевания. Во всех этих «*не горюй*», «*возьми себя в руки*», «*все образуется*» и т. д. нет никакой полезной для нас информации, никакого плана действий. Но эти слова оказывают целительное действие.

Внушаемость посредством слова – глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению. Это видно в ходе развития ребенка. В раннем детстве слова и запреты взрослых оказывают большое суггесторное воздействие, и ребенку не требуется никаких обоснований. «Мама не велела» – это главное. Когда просвещенные родители начинают логически доказывать необходимость запрета, они только приводят ребенка в замешательство и подрывают силу своего слова. До того, как ребенок начинает понимать членораздельную речь, он способен правильно воспринимать «предшественники слова» – издаваемые с разной интонацией звуки, мимику, вообще «язык тела».

Возникновение человека связано с появлением способности удерживать в памяти впечатления от окружающего мира и проецировать их в будущее. И первобытный человек стал жить как бы в двух реальностях – внешней («реальной») и внутриспсихической («воображаемой»). Это надолго погрузило человека в тяжелое невротическое состояние. Справиться с ним было очень трудно, потому что воображаемая реальность была, по-видимому, даже ярче внешней и очень подвижной, вызвала сильный эмоциональный стресс («парадокс нейроспсихической эволюции»).

Этот стресс затруднял адаптацию людей к окружающей среде. Лучше приспособивались и выживали те коллективы (стаи), в которых вожаки и другие авторитетные члены сообщества научились издавать особые звуки-символы. Они воздействовали на психическое состояние сородичей стимулирующим и организующим образом и, согласно догадкам психологов, снимали у них тягостное невротическое состояние. Так возникло слово, сила которого заключалась не в информационном содержании, а во внушении. Люди испытывали потребность в таком слове и подчинялись ему беспрекословно. Так возник особый класс слов – заклинания. Кое-где они сохранили свою силу до наших дней (слова лекарей-знахарей, шаманов). Они действуют и во вполне просвещенных коллективах – но в косвенной форме («харизматический лидер»).

Б.Ф. Поршнев писал в книге «Социальная психология и история»: «Человеческие слова способны опрокинуть то, что выработала «первая сигнальная система» – созданные высшей нервной деятельностью условнорефлекторные связи и даже врожденные, наслед-

ственные безусловные рефлексы. Она [речь], как буря, может врываться в, казалось бы, надежные физиологические функции организма. Она может их смести, превратить в противоположные, разметать и перетасовать по-новому. Нет такого биологического инстинкта в человеке, нет такого первосигнального рефлекса, который не мог бы быть преобразован, отменен, замещен обратным через посредство второй сигнальной системы – речи».

Особую роль в суггестии играют глаголы. Они древнее и первичнее, чем существительные. Именно глагольную фазу развития языка Б.Ф. Поршнев представляет как обретение словом возможности неодолимо запрещать действие или неодолимо побуждать к нему. Глагол и сегодня выполняет повелительную функцию, причем не только повелительным наклонением (например, *сядьте!*), но и инфинитивом (*сесть!*) и временными формами – прошедшим (*сели!*), настоящим (*садимся!*) и будущим (*сядем!*).

Суггесторное воздействие слова несколько не уменьшилось с появлением и развитием цивилизации. Гитлер писал в «*Mein Kampf*». «Силой, которая привела в движение большие исторические потоки в политической или религиозной области, было с незапамятных времен только волшебное могущество произнесенного слова. Большая масса людей всегда подчиняется могуществу слова».

Гитлер писал как практик-манипулятор, гипнотизер. Но примерно то же самое подчеркивает современный философ С.Московичи в книге «Наука о массах»: «Что во многих отношениях удивительно и малопонятно, это всемогущество слов в психологии толп. Могущество, которое происходит не из того, что говорится, а из их «магии», от человека, который их говорит, и атмосферы, в которой они рождаются. Обращаться с ними следует не как с частицами речи, а как с зародышами образов, как с зёрнами воспоминаний, почти как с живыми существами».

§ 2. Сотворение нового языка

Второй слой воздействия посредством слова – развитое *сознание* и процесс *познания*. На заре науки Бэкон говорил: «Знание – власть» (это более точный перевод привычного нам выражения «Знание – сила»). За жадой знания скрывается *жажда власти* – этот вывод Бэкона подтвержден философами последующих поколений, от Ницше до Хайдеггера. И вот одним из следствий научной революции XVI–XVII веков было немыслимое раньше явление: сознательное создание новых языков, с их морфологией, грамматикой и синтаксисом. Лавуазье, предлагая новый язык химии, сказал: «Аналитический метод – это язык; язык – это аналитический метод; аналитический метод и язык – синонимы». *Анализ* значит расчленение, разделение (в противоположность синтезу – соединению); подчинять – обязательно значит разделять.

Язык стал *аналитическим*, в то время как раньше он прежде всего соединял – слова имели многослойный, множественный смысл. Они действовали во многом через *коннотацию* – порождение словом образов и чувств через ассоциации. Связный и «соединяющий» язык складывается благодаря тому, что различные слова слегка по-разному отражают одну и ту же вещь, а одно и то же слово – какую-то сторону различных вещей. Как писал С.Н.Булгаков, иначе «слова неподвижно сидели бы на своих гнездах, все имена существительные были бы собственными, единичными именами, но тогда не было бы никакой логической и словесной связки, ни мышления, ни речи».

Отбор слов в естественном языке отражает становление народного характера, тип человеческих отношений и отношения человека к миру. Русский, например, говорит «у меня есть собака» и даже «у меня есть книга» – на европейские языки буквально перевести это невозможно. В русском языке категория собственности заменена категорией *совместного бытия*. Принадлежность собаки хозяину мы выражаем глаголом *быть*.

В Новое время, в новом обществе Запада естественный язык стал заменяться искусственным, специально создаваемым. Теперь слова стали рациональными, они были очищены от множества уходящих в глубь веков смыслов. Они потеряли святость и *ценность* (приобретя взамен *цену*). Это был разрыв во всей истории человечества. Ведь раньше язык, как выразился Хайдеггер, «был самой священной из всех ценностей». Когда вместо силы главным средством власти стала манипуляция сознанием, власть имущим понадобилась полная свобода слова – превращение слова в безличный, неодухотворенный инструмент¹.

Разумеется, ни в каком обществе не может быть полной свободы слова – всегда есть нечто «нецензурное». Как сказал Томас Джефферсон, «ни одно правительство не может существовать без цензуры: там, где печать свободна, никто не свободен».

Превращение языка в орудие господства положило начало и процессу разрушения языка в современном обществе. Послушаем Хайдеггера, подводящего после войны определенный итог своим мыслям (в «Письме о гуманизме»): «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек... Повсюду и стремительно распространяющееся опустошение языка не только подтачивает эстетическую и нравственную ответственность во всех употреблениях языка. Оно коренится в разрушении человеческого существа. Простая отточенность языка еще вовсе не свидетельство того, что это разрушение нам уже не грозит. Сегодня она, пожалуй, говорит скорее о том, что мы еще не видим опасность и не в состоянии ее увидеть, потому что еще не встали к ней лицом. Упадок языка, о котором в последнее время так много и порядком уже запоздало говорят, есть, однако, не причина, а уже следствие того, что язык под господством новоевропейской метафизики субъективности почти неудержимо выпадает из своей стихии. Язык все еще не выдает нам своей сути: того, что он – дом истины Бытия. Язык, наоборот, поддается нашей голой воле и активности и служит орудием нашего господства над сущим».

Выделим главное в его мысли: *язык под господством метафизики Запада выпадает из своей стихии, он становится орудием господства*. Именно устранение из языка святости и «превращение ценности в товар» сделало возможной свободу слова. Многие сегодня свободу слова воспринимают не как проблему бытия, а как критерий для политической оценки: есть свобода слова – хорошее общество, нет свободы слова – плохое. Если в наше плохое общество внедрить свободу слова, оно станет лучше.

На деле речь идет о двух разных типах общества. «Освобождение» слова (так же, как и «освобождение», превращение в товар, денег, земли и труда) означало прежде всего устранение из него святости – *десакрализацию*. Это означало и отделение слова от мира (от вещи). Слово, имя переставало тайно выражать заключенную в вещи первопричину. Древний философ Анаксимандр сказал о тайной силе слова: «Я открою вам ужасную тайну: язык есть наказание. Все вещи должны войти в язык, а затем вновь появиться из него словами в соответствии со своей отмеренной виной».

Разрыв слова и вещи был культурной мутацией, скачком от общества традиционного к гражданскому, западному. Но к оценке по критерию «плохой-хороший» это никакого отношения не имеет, для такой оценки важна совокупность всех данных исторически черт конкретного общества. И гражданское общество может быть мерзким и духовно больным и выхолощенным, и традиционное, даже тоталитарное, общество может быть одухотворенным и возвышающим человека.

По своему отношению к слову сравнение России и Запада дает прекрасный пример двух типов общества. Вот Гоголь, он неоднократно повторяет в своих записках обращение апостола Павла: «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку... Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!» Какая же здесь свобода слова! Здесь упор на *ответственность* – «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Что же мы видим в обществе современном, гражданском? Вот формула, которую дал Андре Жид (вслед за Эрнестом Ренаном): «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий». Таким образом, здесь слово, вслед за знанием, становится абсолютно автономным по отношению к морали⁷.

На создание и внедрение в сознание нового языка буржуазное общество истратило несравненно больше средств, чем на полицию, армию, вооружения. Ничего подобного не было в аграрной цивилизации (в том числе в старой Европе). Говорят, новое качество общества индустриального Запада заключалось в нарастающем потреблении минерального топлива. Сейчас добавляют, что не менее важным было то, что общество стало потреблять язык – так же, как минеральное топливо.

Современный католический философ Ж.Маритен приводил пример: «В одно и то же время Жид с искренностью писал две маленькие книжечки – в одной из них он выражал преданнейшую любовь к Евангелию, в другой – проповедовал гомосексуализм».

С книгопечатанием устный язык личных отношений был потеснен получением информации через книгу. В Средние века книг было очень мало (в церкви – один экземпляр Библии). В университетах за чтение книги бралась плата. Всего за 50 лет книгопечатания, к началу XVI века в Европе было издано 25–30 тыс. названий книг тиражом около 15 млн. экземпляров. Это был переломный момент. На массовой книге стала строиться и новая школа.

Главной задачей этой школы стало искоренение «туземного» языка своих народов. Философы используют не совсем приятное слово «туземный» для обозначения того языка, который естественно вырос за века и корнями уходит в толщу культуры данного народа – в отличие от языка, созданного индустриальным обществом и воспринятого идеологией. Этот туземный язык, которому ребенок обучался в семье, на улице, на базаре, стал планомерно заменяться «правильным» языком, которому стали обучать платные профессионалы, – языком газеты, радио, а теперь телевидения.

Язык стал товаром и распределяется по законам рынка. Французский философ, изучающий роль языка в обществе, Иван Иллич пишет: «В наше время слова стали на рынке одним из самых главных товаров, определяющих валовой национальный продукт. Именно деньги определяют, что будет сказано, кто это скажет и тип людей, которым это будет сказано. У богатых наций язык превратился в подобие губки, которая впитывает невероятные суммы». В отличие от туземного, язык, превращенный в капитал, стал продуктом производства, со своей технологией и научными разработками¹¹.

Во второй половине XX века произошел следующий перелом. Вот результат исследования лингвистов, проведенного в Торонто перед Второй мировой войной. Тогда из всех слов, которые человек слышал в первые 20 лет своей жизни, каждое *десятое* слово он слышал от какого-то «центрального» источника – в церкви, школе, в армии. А девять слов из десяти слышал от кого-то, кого мог потрогать и понюхать. Сегодня пропорция обратилась – 9 слов из 10 человек узнает из «центрального» источника, и обычно они сказаны через микрофон.

Но в чем главная разница «туземного» и «правильного» языка? «Туземный» рождается из личного общения людей, которые излагают свои мысли – в гуще повседневной жизни. Поэтому он напрямую связан с *диалогом* и со *здоровым смыслом* (можно сказать, что голос здравого смысла «говорит на родном языке»), «Правильный» язык – это язык диктора, зачитывающего текст, данный ему редактором, который доработал материал публициста в соответствии с замечаниями совета директоров. Это безличная риторика, созданная целым

---

¹¹ Это, кстати, привело к тому, что люди утратили способность общаться на многих языках, что было характерно для «дорыночной» Европы и еще характерно для бедноты в странах третьего мира. «Нерыночный» человек был полиглотом.

конвейером платных работников. Это односторонний поток слов, направленных на определенную группу людей с целью *убедить* ее в чем-либо.

Здесь берет свое начало «общество спектакля» – этот язык «предназначен для зрителя, созерцающего сцену». Язык диктора в новом, буржуазном обществе не имел связи со здоровым смыслом, он нес смыслы, которые закладывали в него те, кто контролировал средства массовой информации. Люди, которые, сами того не замечая, начинали сами говорить на таком языке, отрывались от здравого смысла и становились легкими объектами манипуляции.

Как создавался на Западе «правильный» язык? Начало этому положила *наука*. Уже первые специалисты, которые во время Великой французской революции назвали себя *идеологами*, определили две главные сферы духовной деятельности человека, которые надо взять под контроль, чтобы программировать его мысли – *познание* и *общение*. В том «курсе идеологии», который они собирались преподавать правящей элите Франции, было три части: *естественные науки*, *языкознание* («грамматика») и собственно *идеология*.

Из науки в идеологию, а затем и в обыденный язык перешли в огромном количестве слова-«амебы». Они настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка (возьмите, например, слово *прогресс*). Это «прозрачные» слова, как бы не имеющие корней, не связанные с вещами (миром). Они делятся и размножаются, не привлекая к себе внимания – и пожирают старые слова. Они кажутся никак не связанными между собой, но это обманчивое впечатление. Они связаны, как поплавки рыболовной сети – сети не видно, но она ловит, запутывает наше представление о мире.

Важный признак этих слов-амеб – их кажущаяся «научность». Скажешь *коммуникация* вместо старого слова *общение* или *эмбарго* вместо *блокада* – и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые фундаментальные понятия нашего мышления. Слова-амебы – как маленькие ступеньки для восхождения по общественной лестнице, и их применение дает человеку социальные выгоды.

Это и объясняет их «пожирающую» способность. В «приличном обществе» человек обязан их использовать. Это заполнение языка словами-амебами было одной из форм колонизации* – собственных народов буржуазным обществом. Замещение смысла слов было в идеологии буржуазного общества тайной – не меньшей, чем извлечение прибавочной стоимости из рабочих. Как пишет Иллич, на демистификацию языка наложен «внутренний запрет, страшный, как священное табу».

Особого рода искусственным языком является *политический* язык. Любой политический язык имеет свой **жаргон**, понятный только «своим». Он содержит много слов-символов и служит сигнальной системой, позволяющей отличить «своих» от «чужих». В этих словах-сигналах, словах-символах закодирован смысл, доступный только представителю «своей» политической субкультуры. Принять «чужой» язык, не понимая, как правило, смысла слов-символов, в политике значит заведомо обречь себя на поражение. Освободительную и укрепляющую роль всегда играет естественный родной язык.

Тургенев писал о русском языке: «во дни сомнений, в дня тягостных раздумий... ты один мне поддержка и опора». Когда в октябре 1941 г., во время наступления немцев, было решено ввести в Москве осадное положение, на утверждение Сталину принесли проект приказа. Он приписал к нему вводную строчку: «*Сим уведомляется*». Давно не употреблявшееся слово *сим* придало приказу совершенно особое звучание, затронуло глубинные слои коллективной исторической памяти людей, соединило события момента с вехами тысячелетнего пути народа.

Чтобы лишить человека этой поддержки и опоры родного языка, манипуляторам совершенно необходимо если не отменить, то хотя бы максимально растрепать «туземный» язык. Отрыв слова (имени) от вещи и скрытого в вещи смысла был важным шагом в разрушении всего упорядоченного Космоса, в котором жил и прочно стоял на ногах человек Средневековья и древности. Начав говорить «словами без корней», человек стал жить в разделенном мире, и в мире слов ему стало не на что опереться.

Создание этих «бескорневых» слов стало важнейшим способом разрушения национальных языков и средством атомизации общества. Русский языковед и собиратель сказок А.Н.Афанасьев подчеркивал значение корня в слове: «Забвение корня в сознании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать все обилие слово-значений; вместе с тем связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней, становится недоступной».

Каждый крупный общественный сдвиг потрясает язык. В частности, он резко усиливает словотворчество. О необходимости «переименования вещей» в революционные эпохи писал Г.Лебон: «Когда после разных политических переворотов и перемен религиозных верований в толпе возникает глубокая антипатия к образам, вызываемым известными словами, то первой обязанностью настоящего государственного человека должно быть изменение слов».

Слом традиционного общества средневековой Европы, как мы уже говорили, привел к созданию нового языка с «онаученным» словарем. Интенсивным словотворчеством сопровождалась и революция в России начала XX века. В ней были разные течения. Более мощное из них было направлено не на устранение, а на мобилизацию скрытых смыслов, соединяющей силы языка. Наибольшее влияние на этот процесс оказали Велемир Хлебников и Владимир Маяковский.

Маяковский черпал построение своих поэм в «залежах древнего творчества». Он буквально строил заслоны против языка из слов-амеб. У Хлебникова эта принципиальная установка доведена до полной ясности. Он, для которого всю жизнь Пушкин и Гоголь были любимыми писателями, поднимал к жизни пласты допушкинской речи, искал славянские корни слов и своим словотворчеством вводил их в современный язык. Даже в своем «звездном языке», в *заумях*, он пытался вовлечь в русскую речь «священный язык язычества».

Для Хлебникова революция среди прочих изменений была средством возрождения и расцвета нашего «туземного» языка («нам надоело быть не нами»). Его словотворчество отвечало всему строю русского языка, было направлено не на разделение, а на соединение, на восстановление связи понятийного и просторечного языка, связи слова и вещи. Он писал: «Словотворчество, опираясь на то, что в деревне, около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем. Новое слово не только должно быть названо, но и быть направленным к называемой вещи», – писал он. Это – процесс, противоположный тому, что происходил во время буржуазных революций в Европе.

При этом включение фольклорных и архаических элементов вовсе не было регрессом, языковым фундаментализмом, это было развитие. Хлебников, например, поставил перед собой сложнейшую задачу – соединить архаические славянские корни с *биологичностью* языка, к которой пришло Возрождение («каждое слово опирается на молчание своего противника»).

Напротив, во время общественного слома в конце XX века вызрело и отложилось в общественной мысли обратное явление, целый культурный проект – насильно, с помощью СМИ, переделать наш туземный язык и заполнить сознание, особенно молодежи, словами-амебами, словами без корней, разрушающими смысл речи. Когда русский человек слышит слова «биржевой делец» или «наемный убийца», они поднимают в его сознании

целые пласты смыслов, он опирается на эти слова в своем отношении к обозначаемым ими явлениям. Но если ему сказать «*брокер*» или «*киллер*», он воспримет лишь очень скудный, лишенный чувства и не пробуждающий ассоциаций смысл. И этот смысл он воспримет пассивно, апатично¹². Методичная и тщательная замена слов русского языка такими словами-амебами – не «засорение» или признак бескультуры. Это – необходимая часть манипуляции сознанием.

Каждый может вспомнить, как вводились в обиход такие слова-амебы. Не только претендующие на фундаментальность (типа «общечеловеческих ценностей»), но и множество помельче. Вот, в сентябре 1992 г. в России одно из первых мест по частоте употребления заняло слово «*ваучер*». Введя его в язык реформы, Гайдар не объяснил ни смысла, ни происхождения слова. Даже специалисты понимали смысл туманно, считали вполне «научным», но точно перевести на русский язык не могли. «Это было в Германии, в период реформ Эрхарда», – говорил один. «Это облигации, которые выдавали в ходе приватизации при Тэтчер», – говорил другой. Некоторые искали слово в словарях, но не нашли.

Вот, казалось бы, взаимозаменяемые слова – *руководитель* и *лидер*. Почему пресса настойчиво стремится вывести из употребления слово *руководитель*? Потому, что это слово исторически возникло для обозначения человека, который олицетворяет коллективную волю, он создан этой волей, он – продукт *сотрудничества*. Слово *лидер* возникло из философии *конкуренции*. Лидер персонифицирует индивидуализм предпринимателя. И в России телевидение уже не скажет *руководитель*. Нет, *лидер Белоруссии Лукашенко, лидер компартии Зюганов...*

В большом количестве внедряются в язык слова, противоречащие здравому смыслу. Они подрывают логическое мышление и тем самым ослабляют защиту против манипуляции. Сейчас, например, часто говорят «*однополярный мир*»). Это выражение абсурдно, поскольку слово «полюс» по смыслу неразрывно связано с числом два, с наличием *второго* полюса. В октябре 1993 г. было введено выражение «*мятежный парламент*» – по отношению к Верховному Совету РСФСР. Это выражение нелепо в приложении к высшему органу *законодательной* власти (поэтому обычно в таких случаях говорили «президентский переворот»).

Характеристики слов-амеб, которыми манипуляторы заполняют язык, хорошо изучены. Предложено около 20 критериев для их различения – все они красноречивы. Так, эти слова уничтожают все богатство семейства синонимов и сокращают огромное поле смыслов до одного общего знаменателя. Он приобретает «размытую универсальность», обладая в то же время очень малым, а то и нулевым содержанием. Объект, который выражается этим словом, очень трудно определить другими словами – взять хотя бы слово «прогресс», одно из важнейших в современном языке. Отмечено, что эти слова-амебы не имеют исторического измерения, непонятно, когда и где они появились, у них нет корней. Они быстро приобретают интернациональный характер.

Чтобы ввести в обиход слова, разрушающие ткань естественного языка, очень важно и звучание, «звуковой облик» слова. В период общественных потрясений важным становится не благозвучие в его обычном смысле, а броскость, энергичность слова, необычность звучания. Для этого хорошо подходят иностранные слова, насыщенные звонкими согласными (*брокер, консалтинг, миллениум*), особенно удвоенными (*триллер, саммит*). Привлекательность достигается и смешением стилей (*камикадзе-шахид, напиток «Кургазак-Оранж»*), иногда сочетанием слов с несовместимыми смыслами (*демоисламисты*).

¹² На занятиях в одной из академий государственной службы слушатели должны были выразить смысл слов «убийца» и «киллер», составив с ними однотипные предложения. Они написали, в частности, такие пары: «*Убийца скрылся с места преступления*», «*Киллер удался с места работы*».

Для того чтобы вскрыть изначальные, истинные смыслы даже главных слов нового языка, приходится совершать работу, которую философы называют «археологией» – буквально докапываться до смысла. Многое вскрыто, и когда читаешь эти исследования, эти раскопки смыслов трехвековой давности, оторопь берет, как изощренно упакованы смыслы понятий, которые мы беспечно включили в свой туземный язык.

Конечно, если бы туземный язык был уничтожен амебами полностью, общество было бы разрушено, ибо диалог стал бы невозможен. Но все же в современном западном обществе он подавлен монополией правильного языка так же, как туземные продукты подавлены промышленными товарами. Сегодня мы видим, как модернизация сокрушает последний бастион языка, сохраняющего древние смыслы, – *церковь*. Мало того, что священники вне службы, даже в облачении, стали говорить совершенно «правильным» языком, как журналисты или политики. Модернизации подвергаются священные тексты.

Действия в этой сфере – целая программа. В Англии тиражом в 10 млн. экземпляров издана новая Библия, с «современным» языком. Теологи старого закала назвали ее «модерн, но без Благодати» (само понятие *Благодати* из нее изъято и заменено «незаслуженными благами»). Вычищены из Библии и понятия *искупления* и *покаяния*. И, наконец, ключевое для христианства слово «распятие» заменено «*прибыванием к кресту*». Наполненные глубинным смыслом слова и фразы, отточенные за две тысячи лет христианской мысли, заменены «более понятными». Как сказал архидьякон Йорка, Библия стала похожа на телесериал, но утратила сокровенное содержание.

В целом Россия еще не лишилась своего языка. Буржуазная школа не успела сформироваться и охватить существенную часть народа. Надежным щитом была и русская литература. Лев Толстой совершил подвиг, создав для школы тексты на нашем природном, «туземном» языке. Малые народы и перемешанные с ними русские остались дву– или многоязычными, что резко повышало их защитные силы. Язык не был товаром, каждому ребенку дома, в школе, по радио читали родные сказки и Пушкина.

На Западе, напротив, сказки становятся «вненациональным» товаром. Дети знакомятся с ними через видеофильмы Диснея. С ними, как с Библией, производят модернизацию. Так, в Барселоне в 1995 г. вышел перевод с английского языка книги Фина Гарнера под названием «*Политически правильные детские сказки*».

Вот начало одной «исправленной» сказки: «Жила-была малолетняя персона по имени Красная Шапочка. Однажды мать попросила ее отнести бабушке корзинку фруктов и минеральной воды, но не потому, что считала это присущим женщине делом, а – обратите внимание! – потому что это было добрым актом, который послужил бы укреплению чувства общности людей. Кроме того, бабушка вовсе не была больна, скорее наоборот, она обладала прекрасным физическим и душевным здоровьем и была полностью в состоянии обслуживать сама себя, будучи взрослой и зрелой личностью...».

Мы «переваривали» язык индустриального общества, наполняли его нашими смыслами, но в какой-то момент начали терпеть поражение. Переход к городскому образу жизни и сокращение построенных по типу диалога личных контактов, резкое усиление роли СМИ стали теснить наш туземный язык. В последние два десятилетия происходит и целенаправленное воздействие на ткань языка в идеологических целях в рамках большой программы манипуляции массовым сознанием в ходе смены общественного строя. Лингвисты отмечают интенсивное внедрение множества иностранных слов с устранением корня больших семейств русских слов, а также усиление *аналитизма* языка посредством расширения использования приставок в словообразовании за счет суффиксов.

Процессы, происходящие в языке, тесно связаны с направленностью общественных процессов, и результаты этого длительного переходного периода пока что нельзя предугадать.

§ 3. Манипулятивная семантика

В XX веке искусственное создание языка в целях манипуляции сознанием было поставлено на научную основу. Американский социолог Гарольд Лассуэлл стал изучать роль слова в пропаганде (а затем и манипуляции сознанием) с помощью точных методов. Начав свои исследования еще в годы Первой мировой войны, он обобщил результаты в 1927 г. в книге «Техника пропаганды в мировой войне».

Он разработал методы *семантического анализа* текстов – изучения использования тех или иных слов для передачи или искажения смыслов («политическая семантика исследует ключевые термины, лозунги и доктрины под углом зрения того, как их понимают люди»). Отсюда было рукой подать до методов подбора слов. Лассуэлл создал целую систему, ядром которой стали принципы создания «политического мифа» с помощью подбора соответствующих слов.

Специалисты почерпнули много знаний и из «языковой программы» фашистов. Муссолини сказал: «Слова имеют огромную колдовскую силу». Фашисты создали и даже формализовали особый магический язык (т. н. *Lingua Tertii Imperii* – язык Третьего рейха). Приступая к «фанатизации масс», фашисты сделали еще один шаг к разрыву связи между словом и вещью. Они ввели множество неологизмов, изменили смысл привычных слов и понятий. Их программу иногда называют «семантическим терроризмом», который привел к разработке «антиязыка». В этом языке применялась особая, «разрушенная» конструкция фразы с монотонным повторением не связанных между собой утверждений и заклинаний. Этот язык очень сильно отличался от «нормального». Большая работа в области методов «придания ложного смысла бесспорным фактам с помощью лексических средств» была проведена специалистами Геббельса, о чем имеется обширная литература.

Немецкий исследователь политических мифов Э.Кассирер писал, что воздействие нацистской идеологии на язык было столь велико, что произошло изменение *функции языка* – его *магическая* функция стала доминировать над *информационной*. «Магическое слово не описывает вещи или отношения между вещами; оно стремится производить действия и изменять явления природы. Подобные действия не могут совершаться без развитого магического искусства. Только маг или колдун способен управлять магией слова, только в его руках оно становится могущественным орудием».

Выше говорилось о широком применении малоизвестных иностранных слов для разрушения семейств однокорневых слов родного языка, пробуждающих важные ассоциации. Пример – замена русского понятия «наемный убийца» словом *киллер*. Точно так же происходит вытеснение слова *избиратели* и замена его на слово *электорат*. Когда депутат говорит «мои избиратели», порождаемые этим словом ассоциации указывают, что депутат – производное от того коллектива, который его избрал (создал). Выражение «мой электорат» воспринимается как «мой персонал» (мое предприятие). Электорат – общность пассивная и ведомая, она почти «создается» политиком.

Особое направление в выработке новых слов с заданным смыслом – изобретение сокращений, аббревиатур. Мы помним, какое собственное значение приобрели слова СССР или РСФСР – они приобрели свой образ, не вполне сводимый, например, к имени Советский Союз. ВЧК просуществовала всего три года, а слова «чека» и «чекист» сохранились до сих пор. Очень сильное воздействие на подсознание оказывало в последние десятилетия сокращение КГБ (и *гэбист*), причем на обывателя Запада оно действовало едва ли не сильнее, чем на жителей СССР.

Аббревиатуры могут создать целое семейство новых понятий, отличное от тех, которые сопровождают полное имя. Дж. Оруэлл писал: «Слова «Коммунистический Интернаци-

онал» приводят на ум сложную картину: всемирное человеческое братство, красные флаги, баррикады, Карл Маркс, Парижская коммуна. Слово же «Коминтерн» напоминает всего лишь о крепко спаянной организации и жесткой системе доктрин».

Конструируются и сокращения с сильным отрицательным смыслом (например, *совдепия*) или мрачным, угрожающим (*бомж*)¹³. С.Н.Булгаков называл такие аббревиатуры с враждебным смыслом искусственно созданными путем алгебраического сложения «слов-манекенов». Он признавал их мистическую силу и писал: «Такие слова-манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, свое бытие, силу... сосут кровь языка».

Создание искусственного языка идет по двум направлениям. Ищется приемлемое по *денотации* слово. То есть выбирается слово, в денотации (диапазоне смыслов) которого имеется и такой, что может быть притянуто к обозначению данного явления. Пусть даже это один из многих смыслов слова, третьестепенный и малоупотребительный. Но он существует, и не является прямой ложью его использование. Так, с 1965 г. военные действия во Вьетнаме назывались в прессе «программа умиротворения». Это слово настолько вошло в обиход, что в газетах можно было прочесть такое сообщение: «Одна деревня так упорно сопротивлялась умиротворению, что в конце концов ее пришлось разрушить». *Умиротворение* и *война* в своих денотациях где-то чуть-чуть перекрываются, так вместо слова *война* берется *умиротворение*.

Второе воздействие слова – *коннотация*, то есть те ассоциации, которые пробуждает произнесение или прочтение слова. Так, во время войны во Вьетнаме важное место в пропаганде занимало слово «сдержанность». Коннотация его полезна для пропаганды. Сдержанный человек... Не скажешь ведь, что США во Вьетнаме проявили миролюбие или гуманность – это было бы прямой ложью. Сдержанность... Ведь ядерного оружия не применили! Так, в 1972 г. в обращении к нации президент Никсон заявил: «В течение всей войны США проявляли беспрецедентную в военных анналах степень сдержанности». 19 июля 1971 г. И.Колби сообщил, что под его руководством была проведена операция, суть которой состояла в организации покушений на нежелательных общественных деятелей Южного Вьетнама и что к тому моменту было ликвидировано 20 587 таких деятелей. Называлась она «Операция Феникс».

Вообще, во время войны во Вьетнаме в США была проведена огромная работа по созданию специального языка для сообщений прессы. Были составлены целые словари (тезаурусы) для обозначения тех или иных явлений и действий, которые производили на читателя нужное впечатление (в лингвистических трудах перечисляются и принципы подбора слов). Ряд исследователей считают, что был искусственно разработан «субязык», который получил название *вьетлийского* (Vietlish, Vietnam English).

Так, помимо слов *умиротворение* или *сдержанность* ключевым понятием было словосочетание «*защитная реакция*». Защита... Ответное действие... Например, массированные бомбардировки Северного Вьетнама в феврале 1972 г. (139 налетов) назывались «защитная реакция»¹⁴. Лингвисты пишут, что во время вьетнамской войны были разработаны методы построения *сложных политических эвфемизмов*. Это уже не отдельные слова и понятия, а большие языковые конструкции с точно измеренными эффектами воздействия на сознание.

¹³ Вошедшее в широкий обиход слово *бомж* лишено полутонов и эмоциональной окраски, оно не содержит сострадания, которое звучит в слове *бездомный* или даже *бродяга*. Это – жесткое слово нового времени.

¹⁴ Ввиду слишком резкой международной реакции был снят с должности авиационный генерал Д.Лавел «за плохое знание семантики», в результате которого он якобы проводил бомбардировки без санкции высшего командования. На слушаниях в сенате он, однако, стал огрызаться и доказал, что выражение «защитная реакция» было официально предписанным и что командование было верно информировано о характере действий. Так, после рейдов летчики писали в отчетах – выполнена «защитная реакция».

Из языка были исключены все слова, вызывающие отрицательные ассоциации: *война, наступление, оружие по уничтожению живой силы*. Вместо них были введены слова нейтральные: *конфликт, операция, устройство (antipersonnel device)*. Мертвые зоны, в которых диоксидами была уничтожена растительность, назывались «санитарными кордонами», нападлм – «мягким зарядом», самые обычные концлагеря – «стратегическими селениями» и т. д. Были наложены и строго соблюдались табу на использование огромного количества нормальных слов. Президент Американского лингвистического общества Д. Болинджер заявил тогда: «Америка – это первое общество, которое добилось настоящего табу на все неприятное».

Большой манипулятивной программой стало в США изменение языка с целью достижения его «политкорректности». Феминистки усмотрели в слове *history (история)* слово *his (его)*, и потребовали называть историю женщин *herstory*¹⁵. Так слова превращаются в **заклинания**. В «политкорректной» Библии слова Бог-отец заменяют на Бог-отец-мать и т. п.

Сегодня политики и пресса постоянно меняют смысл слов в зависимости от конъюнктуры. Как сказал Г. Честертон, «прежде «компромисс» означал, что полбуханки хлеба лучше, чем ничего. У нынешних политиков «компромисс» означает, что полбуханки лучше, чем целая буханка». Бомбардировки Югославии в 1999 г. были названы «гуманитарной интервенцией», и это понятие в течение двух лет США пытались даже ввести в международное право.

И в русском языке мы наблюдаем аналогичный процесс – политики избегают использовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании. Их заменяют *эвфемизмами* – благозвучными и непривычными терминами. Так, в ходе реформы в официальных и даже пропагандистских документах не употреблялось слово «*капитализм*». Нет, что вы, мы строим *рыночную экономику*. *Беженцы* из Чечни? Что вы, у нас нет беженцев, это «*вынужденные переселенцы*».

Одна из важных функций СМИ – замена русских слов, составляющих большие однокорневые гнезда и имевших устоявшиеся коннотации, на иностранные или изобретенные слова. Так, множество ложных слов вбросило в обиход телевидение во время войны в Чечне. Например, военных вдруг стали называть «федералы». Это слово лежит в совсем другой плоскости, нежели «армия – боевики», «милиция – бандиты» или «правительственные войска – мятежники». Какие ассоциации порождает в подсознании это слово? *Федералы – конфедераты / Северяне и южане...* Так в США называли стороны в гражданской войне. Неявно телезрителя подталкивают к мысли, что в Чечне идет вооруженное столкновение сторонников двух типов государственного устройства. Какое-то время ведущие даже называли боевиков Басаева *партизанами*.

Политические эвфемизмы, маскирующие истинный смысл явлений, создаются и с помощью *терминов*. Это специальные слова, имеющие точный смысл, причем большинство аудитории не знает точного значения термина. Но главное, что термины обладают магическим воздействием на сознание, имея на себе отпечаток авторитета науки. Красивым термином, кажется людям, нельзя назвать какую-нибудь гадость.

К таким терминам относится, например, слово *эмбарго*. Если средний западный гражданин еще испытал некоторое неудобство от разрушительных бомбардировок Ирака в качестве «наказания», то установленное в августе 1990 г. тотальное *эмбарго* на торговлю с Ираком не вызвало абсолютно никакого возражения. А ведь это – более многозначительный шаг, нежели бомбардировки. Так, общепринято, что в Ираке установлен тоталитарный режим, диктатура. Ирак – не Дания и даже не Греция, и население там не имеет ни прав, ни навыков, ни механизмов, чтобы навязать свою волю политикам Багдада. Но если это так, то населе-

¹⁵ Заметим, что слово *history* – греческого происхождения и к английскому местоимению *his* отношения не имеет.

ние не несет и ответственности за действия верхушки режима. И, согласно самой простой логике, наказывать иракского крестьянина, убивая голодом его ребенка, означает брать этого крестьянина *заложником* и наказывать его, чтобы оказать давление на противника (Саддама Хусейна). Такие действия по отношению к европейцу рассматривались как военное преступление, и те, кто отдавал приказы о таких действиях, пошли на виселицу. Но сегодня по отношению к иракскому крестьянину это называется «механизмом международного права», *эмбарго*. Слово *заложник* не употребляется – табу.

Одним из важных инструментов политического языка являются *ярлыки*, которые «навешиваются» политическим противникам. Они создаются и вводятся в употребление с целью опорочить или высмеять противника путем воздействия на чувства и подсознание – без приведения рациональных доводов. Так, эффективным оказался введенный в обиход в 1983 г. Р.Рейганом ярлык «империя зла», который придавал борьбе с СССР на последней стадии холодной войны оттенок религиозного противостояния дьяволу.

Ранее в процессе разрушения легитимности верховной власти в СССР был введен термин *геронтократия*. Он создавал довольно сильный негативный настрой, не имея под собой разумных оснований (Сталин и Дэн Сяопин были стариками, Е.Гайдар и С.Кириенко – молодыми людьми, но не это определяло эффективность этих политиков в достижении их целей). Интенсивно использовался изобретенный в конце перестройки сильнодействующий ярлык «*красно-коричневые*», который в подсознании ассоциировал коммунистов с фашистами. А конкуренты той группировки, которая оказалась приближенной к Ельцину, ввели в обиход термин «*семья*». Он породил сильные отрицательные ассоциации, поскольку «семьями» называют мафиозные кланы. Благодаря популярным фильмам про мафию значение этого термина хорошо известно, и ярлык прижился и эффективно выполнял свою идеологическую функцию.

Одной из крупнейших программ по манипуляции сознанием стала приватизация промышленности в РФ. Велась эта программа открыто около двух лет и показала исключительную эффективность. Рабочие, которые в 1989 г. категорически отвергали частное владение предприятиями, в 1992 г. отнеслись к этому равнодушно и даже благосклонно. А ведь они не получили для этого никаких разумных доводов и никакого положительного опыта – почему же так изменилась их установка по важнейшему для них вопросу? В результате воздействия на сознание.

Для политики и прессы был даже создан особый язык. Ведь приватизация – лишь малая часть во всем процессе изменения отношений собственности. Она – лишь *наделение* частной собственностью на предприятие. Но это предприятие было собственностью народа (нации). Государство выступало лишь как управляющий этой собственностью. Чтобы ее приватизировать, необходимо было сначала осуществить *денационализацию*. Это – самый главный и трудный этап, ибо он означает *изъятие* собственности у ее владельца (нации). А это, очевидно, не сводится к экономическим отношениям (так же, как грабеж в переулке не означает для жертвы просто утраты некоторой части собственности). Однако и в законах о приватизации, и в прессе проблема изъятия собственности замалчивались. Слово «*денационализация*» не встречается ни разу, оно стало табу и заменено специально придуманным словом «*разгосударствление*».

Замена слов и понятий политическими эвфемизмами как целая технология приводит к тяжелой болезни общества, которую еще Фукидид назвал *коррупцией языка*. Будучи свидетелем упадка Афин, он оставил описание коррупции как важнейшего признака этого упадка. Среди прочих видов коррупции он особо выделил именно коррупцию языка – слова начали означать нечто противоположное тому, что они всегда означали. Разные партии стали использовать одно и то же слово в разных смыслах.

Сегодня о вторжении в язык с целью программировать поведение известно так много, что вдумчивый человек может использовать это знание в личной практике. Художественное осмысление дал писатель Оруэлл со своим образом «новояза» в романе-антиутопии «1984». Оруэлл дал фантастическое описание тоталитарного режима, главным средством подавления в котором был новояз – специально изобретенный язык, изменяющий смысл знакомых слов. Мысли Оруэлла наши перестройщики опознали, прицепив к критике коммунизма.

В своей антиутопии Оруэлл описывал современное западное общество, переживающее «выверт демократии» – искусственный тоталитаризм, одним из средств власти которого был искусственный язык с замещенными смыслами. Этот новояз – доведенный до логического предела язык прессы. Процессы, происходящие в традиционном обществе, сколь угодно тоталитарном и жестоким, имеют принципиально иную природу. Понятие Оруэлла вошло в философию и социологию, создание новоязов стало важной политической технологией.

§ 4. Гипостазирование

Большую роль в манипуляции словами и понятиями играет *гипостазирование*. Название это происходит от слова *ипостась*. В словаре читаем: «*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* – сущность, субстанция) – присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле – возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

Когда пробегаешь в уме историю перестройки как большой программы манипуляции, бросается в глаза эта склонность изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже считать его *реальностью* и даже порой чем-то жизненно важным. Эти размытые образы становятся дороги человеку, их совокупность образует для него целый живой мир, в котором он легко и, главное, бездумно ориентируется. Образы эти не опираются на хорошо разработанные понятия, а обозначаются словом, которое приобретает магическую силу. Будучи на деле бессодержательными, такие слова как будто обладают большой объяснительной способностью.

В повороте массового сознания важную роль сыграл, например, совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили, что из себя представляет советский строй – мобилизационный социализм? казарменный социализм? феодальный социализм? Сказал «*казарменный социализм*» – и вроде все понятно. Вот как трактует причины краха «реального социализма» профессор МГУ А. В. Бузгалин. В книге «Будущее коммунизма» (М., 1996) он пишет о кризисе мирового левого движения: «Причиной всего этого стала собственная природа «социализма». В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией «мутантного социализма» (под ним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы)».

Мы видим здесь предложение целой теоретической категории, оправдывающей большие реальные изменения. На деле эта взятая из биологии метафора мутации бессодержательна и ничего не объясняет. Мутация есть изменение в генетическом аппарате организма под воздействием факторов внешней среды. Если это изменение наследуется и благоприятствует выживанию потомства, то такая мутация оказывается важным механизмом эволюции. Если, как это делает А. В. Бузгалин, уподоблять общественный строй биологическому виду, то социальное жизнеустройство любой страны оказывается «мутантным» и иным быть не может.

Гипостазирование подрывает способность к рефлексии, к анализу своих решений и их последствий. В начале 1989 г., когда люди уверовали в такие понятия, как «наш общий

европейский дом», лишь 10 % опрошенных считали, что в ближайшие годы экономическое положение в стране ухудшится (59 % считали, что «улучшится», 28 % – что «останется без изменений»).

Замечательно, что даже многие марксисты, испытав на себе магическую силу слов, настолько уверовали в капитализм, что с удивительной легкостью перешли в лагерь крайне правых буржуазных идеологов, проскочив даже социал-демократию. А.Ципко пишет в 1990 г.: «Все прогнозы о грядущей социал-демократизации Восточной Европы не оправдали себя. Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов. Консерватизм, т. е. ставка на семью, частную собственность, частное предпринимательство... в этих условиях позволяет ускорить восстановление жизнеспособности общества».

Что эта конструкция есть плод воображения, видно по частным признакам. Что значит, например, что Польша в 1989 г. «начала сначала, *а то и с нуля*»? И почему неолиберализм, возникший в конце 60-х годов XX века, «проверен веками»? Уж если желаешь чего-нибудь старинного, то надо было бы брать за образец первобытно-общинный строй, он проверен двумястами веков. Или уж на худой конец рабство – тоже веков десять его проверяли. Капиталистическая частная собственность и частное предпринимательство – очень недавние и специфические явления.

Понятиями-заклинаниями, которые заменяли содержательное описание сущности, стали такие слова, как *демократия, гражданское общество, правовое государство*. Когда Саддам Хусейн в январе 1993 г. «бросил ООН вызов», попросив, чтобы самолеты с экспертами ООН пролетали в Ирак со стороны Иордании, а не с Юга, видные правоведы на Западе объясняли радиослушателям, почему Ирак за это должен был быть подвергнут бомбардировке. Такого объяснения вообще не понадобилось бы, не будь рядом Израиль, который без проблем нарушает резолюции ООН. Объяснение было такое. Да, Израиль оккупирует чужие территории, сгоняет с земли арабских крестьян. Но международное сообщество не может оказывать на Израиль давление, так как Израиль является *правовым государством*. Согнанный арабский крестьянин должен обратиться в суд, а суд в Израиле цивилизованный. Это полностью переворачивает саму сущность понятия *права*. Оно теперь заботится не о правах личности, ставшей жертвой вооруженного соседа, а о праве агрессора – этому можно, а этому нельзя.

Рассмотрим еще пару типичных примеров гипостазирования. У интеллигенции было сильно убеждение, что во всем «система виновата». Важнейшими причинами наших бед она считала «засилье бюрократов», «уровниловку», «некомпетентность начальства», «наследие сталинизма» – причины, для массового сознания не такие уж существенные. Опираясь на эти стереотипы, Г.Х.Попов запустил в обиход, как нечто существующее, термин «*административно-командная система*». Он был подхвачен прессой, даже получил аббревиатуру – АКС. И стали его употреблять, как будто это нечто уникальное, созданное в СССР, и оно что-то объясняет в социальной действительности.

На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез», и иначе просто быть не может. И армия, и церковь, и хор имени Свешникова – все имеет свою административно-командную ипостась, *наряду с другими*. Идеологи, повторявшие «АКС, АКС...», намекали, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. На деле любой банк, любая корпорация на Западе, не говоря уж о государственных ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система», причем с контролем несравненно более жестким, чем был в СССР. Но так людей очаровали этим термином, что даже историки, прекрасно знавшие, что системы управления и в государстве, и в хозяйстве складываются

исторически, а не *логически*, не исходя из какой-то доктрины, стеснялись прямо сказать, что пресловутая АКС – плод самого примитивного гипоста-зирования.

В 1988 г. на «круглом столе» в АН СССР историк К.Ф.Шаццлло осторожно объяснял: «Совершенно ясно, что в крупнейшей промышленности, на таких казенных заводах, как Обуховский, Балтийский, Адмиралтейский, Ижорский, заводах военного ведомства, горных заводах Урала капитализмом не пахло, не было абсолютно ни одного элемента, который свойствен политэкономии капитализма. Что такое цена, на заводах не знали; что такое прибыль – не знали, что такое себестоимость, амортизация и т. д. и т. п. – не знали. А что было? Был административно-командный метод: постройте четыре броненосца и скажите, сколько заплатить; желательнее построить за три года, построили за шесть, ну что же поделаешь?..»

Слова «административная система» приобрели такую магическую силу, что достаточно было прилепить этот ярлык к какой-то стороне реальности, и о ней можно было говорить самые нелепые вещи. Вот, Н.П.Шмелев утверждал в 1989 г.: «Фундаментальный принцип всей нашей административной системы – распределять! Эту систему мы должны решительно сломать». Назвать распределение, одну из множества функций административных систем, *принципом* и даже фундаментальным, – значить исказить всю структуру функций, нарушить меру. Но даже если так преувеличивается значение функции распределения, почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Разве в обществе нет необходимости *распределять*? Ломать надо любую систему распределения или только «нашу административную»?

Вот проект Закона СССР о предпринимательстве (1990 г.), подготовленный научно-промышленной группой депутатов. Стоят подписи академиков, а в законопроекте заклинания, призывающие к уничтожению административно-командной системы. «Государство должно воздействовать на хозяйственных субъектов только экономическими методами!» Как так, почему? Ведь главная сущность государства – это монополия на легитимное насилие, на воздействие именно *внеэкономическое*. Во всем мире «хозяйственные субъекты» весьма часто оказываются в тюрьме, а у нас, значит, бей их только рублем.

Стоит вспомнить и ключевое слово перестройки *дефицит*. Оно означает нехватку – и все его вроде бы так и понимают. И в то же время люди уверовали в такую его ипостась, что стали говорить, будто во времена Брежнева «мы задохнулись от дефицита», а сегодня никакого дефицита нет, изобилие. Но как может образоваться изобилие при катастрофическом спаде производства? Много производили молока – это был дефицит; снизили производство вдвое – изобилие.

Вот что означает понятие *дефицит* в его жестком, ограниченном значении: в 1985 г. в РСФСР в среднем на душу населения потреблено 23,2 кг рыбы и рыбопродуктов, а в 1997 г. – 9,3 кг. Имеет место дефицит рыбы как *продукта питания* – при ее наличии на прилавках как *знак ложного изобилия*. Люди, которые приветствуют такое положение, впадают в глубокое гипостазирование.

Через три года реформы «Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году» отмечает: «Существенное ухудшение качества питания в 1992 г. произошло в основном за счет снижения потребления продуктов животного происхождения. Отмечается **вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания**, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов...» [выделено мною. – С.К-М.] Возник, как сказано в Докладе, «**всеобщий дефицит**» питания, ранее неммыслимый.

Даже в чисто «рыночном» смысле реформа привела к дефициту, какого не знала советская торговля. Обеспеченность товарными запасами розничной торговли (в днях товарооборота) составляла в СССР на 1 января соответствующего года: 1970 – 88 дней, 1985 – 92, 1986 – 84, 1988 – 69, 1990 – 47 дней. В РФ она составила в 1995 г. 33 дня, и в 1996 г. 39 дней.

А, например, на 1 октября 1998 г. на складах Санкт-Петербурга имелось продуктов и товаров всего на 14 дней торговли. Положение регулируют посредством низкой зарплаты, а то и невыплатами зарплаты и пенсий. Вот тебе и *изобилие*.

Профессор из Петербурга, д.э.н. С.А.Дятлов, рассматривая состояние инвестиционной сферы России, пишет в 1997 г.: «Долги по невыплаченной зарплате и пенсиям в два с лишним раза превышают товарные запасы. Оборотные фонды предприятий на 80–90 % обеспечиваются кредитами коммерческих банков. Можно говорить о том, что экономика России в ее нынешнем виде – это не только долговая экономика, но и экономика хронического дефицита, скрытого высоким уровнем цен и искусственным сжатием платежеспособного спроса».

А вот чрезвычайный пример дефицита, созданного из-за ухода государства от выполнения некоторых функций. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г.» гласит: «Актуальной экологической проблемой является дефицит йода в биосфере, так как более 70 % густонаселенных территорий нашей страны имеют разную степень недостаточности этого микроэлемента. Прекращение йодной профилактики привело к росту в России эндемического зоба и ассоциированных с ним болезней среди больших групп населения, в первую очередь – детей и подростков».

Прекращение йодной профилактики! Просто перестали добавлять капельку йода в поваренную соль. Разумеется, в некоторых областях по собственной инициативе местные власти или медицинские организации ведут йодирование соли, поставляют ее в детские сады (о таких случаях говорится в Докладе) – но государственная программа прекращена.

Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» пишет: «Путеводной звездой нашей деятельности должны быть не образы фантазии, а ясно усвоенные понятия. Обычно бывает обратное. При ближайшем исследовании мы убеждаемся, что в конце концов решающий голос во всех наших делах принадлежит не понятиям, не рассуждению, а именно воображению, облакающему в красивый образ то, что желало бы нам навязать».

Глава 6. Иные знаковые системы

§ 1. Язык чисел. Мера

Овладение числом и мерой – одно из важнейших завоеваний человека. Согласно мифу, Прометей был наказан Зевсом именно за то, что он передал человеку огонь и число, чем сделал его почти равным богам. Число (как и *величина*) – настолько широкое и многообразное понятие, что математика даже не дает ему общего определения, говоря о классах чисел. Можно сказать, что определение понятия числа заключается во всей совокупности математических знаний в данный исторический момент.

В числе, как и в слове, заложены множественные смыслы. Порой кажется, что это – исключительно холодные, рассудочные, рациональные смыслы. Это не так. Магия числа в том, что оно, в отличие от слова или метафоры, обладает авторитетом *точности* и *беспристрастности*. Поэтому число – один из главных объектов манипуляции. Изначально числа нагружены глубоким мистическим и религиозным содержанием. Не будем уж углубляться в «число зверя» и вообще каббалистику. Хотя для манипуляции суеверного и религиозного сознания она используется порой в самых радикальных политических целях.

Заметим, что мистический смысл числа и счета укоренен не только в иудейской и христианской культуре, это общее явление. Пастух хоть в Туркмении, хоть в тундре никогда не скажет, сколько у него овец или оленей, хотя знает их всех «в лицо».

Число, как и слово, было изначально связано с *вещью*. Последователи религиозной секты Пифагора считали, что в числе выражена сущность, природа вещи, при этом число не может лгать, и в этом его преимущество перед словом. Пифагорейцы считали даже, что числа – это те матрицы (парадигмы), по которым создаются вещи. Вещи «подражают числам». Через число только и может быть понят мир.

Философ и богослов XV века Николай Кузанский, немало сделавший для подготовки Возрождения, поставил вопрос жестко: «Там, где терпит неудачу язык математики, человеческий дух ничего уже не сможет понять и узнать». Сила «языка чисел» объясняется тем, что он кажется максимально достоверным, он не может лгать (особенно если человек вообще спрячется за компьютером). Это снимает с тех, кто оперирует числами, множество ограничений, дает им такую свободу, с которой не сравнится никакая «свобода слова». Один из великих математиков современности Кантор так и сказал: «Сущность математики заключается в ее свободе».

М.Вебер особо отмечает ту роль, которую «дух счета» (*calculating spirit*) сыграл при возникновении капитализма: пуританизм «преобразовал эту «расчетливость», в самом деле являющуюся важным компонентом капитализма, из средства ведения хозяйства в принцип всего жизненного поведения». Эту «расчетливость» Запада укрепила и Научная революция, сделавшая механицизм основой мироощущения. Со времен Декарта для Запада характерна, как говорят философы, «одержимость пространством», которая выражается в склонности к «математическому методу» мышления.

В противовес этому выделяют «одержимость временем», для которой характерен «грамматический» метод мышления – именно в естественном языке появились временные формы, в которых человек выразил ощущение времени. Иногда говорят даже (особенно в приложении к экономике), что есть наука «числа» и наука «слова».

Умение мысленно оперировать с числами и величинами – исключительно важное интеллектуальное умение, которое осваивается с трудом и развивается на протяжении жизни человека. Известный советский математик-педагог А.Я.Хинчин писал о понятии числа

применительно к школьному курсу математики: «Историческая эволюция этого понятия воспроизводится в сознании учащегося на протяжении долгого периода, и притом такого периода, в течение которого рост сознания школьника можно уподобить росту сознания человечества за всю историю его сознательной жизни. И подобно тому, как в сознании мыслящего человечества понятие числа, поднимаясь от ступени к ступени, в разные эпохи не только по содержанию, но и стилю, научному уровню и логической зрелости, являло собой совершенно различную картину, – точно так же нельзя говорить и о едином понятии числа, соответствующем уровню сознания школьника. На протяжении школьного обучения понятие числа не только обогащается по содержанию, включая в себя все новые и новые классы чисел, но и качественно эволюционирует вместе с сознанием учащегося, приобретая новые черты и оттенки и поднимаясь на все более высокие ступени абстракции и логической завершенности».

Уже из этого видно, как сильно различается понимание сути чисел и умение правильно обращаться с ними у людей с разным типом и уровнем образования, разной культуры, с разным опытом и социальным положением. Эта неоднозначность отношения к внешне одному и тому же инструменту мышления открывает перед манипуляторами сознанием огромные возможности. Они играют на этих различиях, но их очень трудно схватить за руку.

В Новое время на Западе *рынок* стал метафорой всего жизнеустройства. Общественные отношения во всех сферах жизни уподобились эквивалентному обмену товарами. Товарная форма, приравнивающая разные сущности к общему эквиваленту, есть количественная категория, устраняющая качественное своеобразие вещей. Современный мир западного типа иногда называют «царством количества».

Общественные изменения, ведущие к усилению количественного начала в мышлении за счет качественного, сразу сказываются на тех знаковых системах, которые используются в общественном сознании. Так, в языке на первый план выдвигаются количественные характеристики вещей и отношений, число оказывается в центре внимания, например, в политических выступлениях. Лингвисты отмечают интенсивный процесс *квантификации* русского языка в течение последнего десятилетия. Это выражается, например, в широком использовании приставок *сверх-*, *супер-*, *мини-* (иногда приходится даже видеть вывеску *минисупер-маркет*).

Понятия, которые раньше несли большую качественную нагрузку, заменяются словами, включающими в себя количественную характеристику. Для этого часто привлекаются иностранные, особенно англоязычные слова. Интересную книгу называют *бестселлер* (чисто количественное понятие), слово *подросток* вытесняется словом *тинэйджер*. Слово *подросток* выражает важное качественное состояние человека, а *тинэйджер* – возрастная категория, в которой число лет обозначается в английском языке словом *teen*, то есть от 13 до 19 лет¹⁶.

Этот процесс сокращения пространства качества затрагивает даже числа, что тем самым увеличивает их «свободу» и свободу тех, кто ими «владеет». Мы и сегодня чувствуем еще неповторимую индивидуальность чисел, по крайней мере от нуля до десяти – 3 имеет совсем иной образ, нежели 7. А еще сравнительно недавно различали как несхожие сущности числа до сотни – так развито было «телесное» и «образное» (качественное) восприятие чисел.

Но свобода тех, кто «владеет числом», означает глубокую, хотя и скрытую зависимость тех, кто «потребляет» числа. Сила убеждения чисел огромна. Это предвидел уже Лейб-

¹⁶ Примечательно, что эта квантификация предписывается идеологически, а вовсе не идет «снизу». Когда студентов попросили определить смысл слова *тинэйджер*, то они выразили ее именно в качественных категориях: *Тинэйджер* – это продвинутый (крутой) подросток в соответствующей одежде с соответствующим жаргоном и т. д. Слово интегрируется в русский язык согласно его, а не английским, нормам.

ниц, который писал: «В тот момент, когда будет формализован весь язык, прекратятся всякие несогласия; антагонисты усядутся за столом один напротив другого и скажут: подсчитаем!» Эта утопия означает полную замену качеств (*ценностей*) их количественным выражением (*ценой*). В свою очередь, это снимает проблему *выбора* и заменяет ее проблемой *подсчета*, что и является смыслом технократии.

Магическая сила внушения, которой обладает число, такова, что если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его уже почти невозможно вытеснить логическими аргументами. Число имеет свойство застревать в мозгу необратимо.

Свое очарование число распространяет и на текст, который его сопровождает. Поэтому часто манипуляторы сознанием вставляют в текст бессмысленные или даже противоречащие тексту цифры – и все равно остаются в выигрыше, ибо на сознание воздействует сам *вид* числа.

Вот журнал Российской Академии наук «Человек» много места уделил влиянию Чернобыльской катастрофы на здоровье населения («Человек», 1993, №:4). Читатель, просто увидев целые страницы, покрытые цифрами, автоматически начинает верить составителям. Но вчитайтесь в эти количественные доводы:

«В начале 1992 г. было зарегистрировано 1 366 742 человека, подвергшихся радиационному воздействию в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Из них:

1) ликвидаторы – 119 400 человек;

2) эвакуированные – 6 471 человек;

3) население – 1 209 929 человек;

4) дети ликвидаторов – 31 580 человек... Смертность по группам первичного учета за 1990–1991 гг.

(на 1000 человек) увеличилась по 1-й группе с 4,6 случаев до 4,8; по 2-й группе – с 1,99 до 2,1; снизилась по 3-й группе с 22,79 до 14,7; по 4-й группе с 19,4 до 6,9».

Что может из этого понять человек? Судя по приведенным цифрам, смертность в контингенте пострадавших от аварии резко снизилась – на 7,3 случая в расчете на 100 тыс. человек. О чем говорит это снижение смертности? О том, что радиационное заражение благотворно сказывается на здоровье? Да нет, ни о чем не говорит, приведенные цифры и не рассчитаны на то, чтобы читатель вникнул в их смысл – они его просто должны заворожить. А вывод ему подсказывают составители материала.

Дальше в том же номере – данные о заболеваемости жителей Алтайского края, которые подверглись облучению при испытаниях ядерного оружия на Семипалатинском полигоне:

«С 1980 по 1990 г. заболеваемость злокачественными новообразованиями возросла в этом крае с 276 до 286 случаев на 100 тыс. населения». Общий смысл публикации заключается в том, что ядерными испытаниями политический режим СССР губил свой народ. Но здесь нас интересует не вывод, а лишь роль цифр в убеждении читателей в этом выводе.

Итак, в зоне ядерных испытаний прирост заболеваемости онкологическими болезнями составил за 10 лет ровно 10 случаев на 100 тыс. человек. А в целом по РСФСР? В целом за те же 10 лет с 1980 по 1990 г. прирост числа заболевших злокачественными новообразованиями составил 33 случая на 100 тыс. Если бы читатель бездумно верил цифрам, он должен был бы сделать вывод, что ядерные испытания очень полезны для здоровья. Ведя идеологическую пропаганду, авторы даже не потрудились подобрать сведения, подтверждающие их тезисы. Они были уверены в магической силе слова и числа, которая отключает у читателя способность к самостоятельному мышлению.

Очень часто в идеологических целях числом характеризуют расплывчатые, не поддающиеся измерению величины, причем нередко с высокой точностью, что сразу выдает манипуляцию. Академик Т.И.Заславская, агитируя за экономическую реформу, утверждала, что в СССР число тех, кто трудится в полную силу, в экономически слабых хозяйствах было 17 %,

а в сильных – 32 %. И эти числа всерьез повторялись в академических журналах – пример утраты обществоведами научной рациональности. Понятие «трудиться в полную силу» в принципе неопределимо, это не более чем метафора – однако оно «измеряется» авторитетным социологом с точностью *до 1 процента*. 17 процентов! 32 процента! Этот прием взят из арсенала рекламы, которая все же выглядит скромнее в своих претензиях и дает свои оценки с точностью до 10 %: «С новыми «памперсами» попки стали на 40 % здоровее», «С новым шампунем «Шаума» волосы стали на 30 % сильнее».

Манипулирующая сила числа многократно возрастает, когда числа связаны в математические *формулы и уравнения* – здравый смысл против них бессилён. Здесь возник целый большой жанр манипуляции (особенно в сфере экономики, где одно время даже господствовала целая «наука» – эконометрия; ее репутация рухнула в момент кризиса 1973 г., когда все ее расчеты оказались ложными).

Изобретатель напряженного бетона и создатель современного метода расчета конструкций Э.Фресне пишет в своих мемуарах, что его всегда удивляло, почему инженеры и подрядчики постоянно требовали от него и его сотрудников расчета прочности балок, колонн и т. д. вместо того, чтобы посмотреть на простые натурные испытания прочности – несравненно более надежные и простые.

«В конце концов я понял, – пишет он – что в большинстве случаев я имел дело не с простыми идиотами, а с лжецами и манипуляторами, которые знали, что признать результаты испытания, сделанного в их присутствии, накладывает на них гораздо большую ответственность, чем признать результаты расчета. Они укрывались за броней уравнений, которые служили им тем надежнее, чем сложнее они были».

Почему же прикрытие числом и уравнением так эффективно защищало от ответственности? Потому, что таково общественное мнение – оно скорее поверит формуле, чем факту. Инженеры и подрядчики на практике знали магическую силу чисел.

Хотя число выглядит «точным» знаком, в воображении оно создает *образы* и на деле часто служит *метафорой* (а иногда и *гиперболой*). Поэтому манипуляторы, в том числе невольные («вторичные») очень часто запускают в общественное сознание числа, деформирующие («поражающие») воображение. Они просто обезоруживают разум человека. И.Бунин писал в важной книге «Окаянные дни» (1918):

«Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение – перешагни же меру. Это как цены на хлеб, на говядину. «Что? Три целковых фунт?!» А назначь тысячу – и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. «Как? Семь повешенных?!» – «Нет, милый, не семь, а семьсот!» – И уже тут непременно столбняк – семерых-то висящих еще можно представить, а попробуй-ка семьсот, даже семьдесят!».

Особо сотрясают разум цифры, приводимые *в качестве художественного образа*. Дело в том, что цифры художника нельзя понимать буквально, соотносить их с цифрами физическими, они сродни цифрам религиозным. Религии же «уклоняются от контакта с историческим временем». Глупо было бы и верить, и не верить, что Ной прожил 950 лет, как сказано в Библии. Это *«не те»* годы. Но люди принимают числа писателей за *«те»* числа! Одни верят, и это нелепо, другие возмущаются, принимают эти цифры за злодейский обман.

Классический пример – А.И.Солженицын, который утверждал, будто в ходе сталинских репрессий было расстреляно 43 млн. человек. Сейчас движение населения ГУЛАГа по годам, со всеми приговорами и казнями, освобождением, переводами, болезнями и смертями изучено досконально, собраны целые тома таблиц. Ясно, что данные Солженицына надо понимать как художественные гиперболы – но ведь весь культурный слой воспринимает их как чуть ли не научные данные лагерной социологии. Налицо расщепление сознания: человек прочтет достоверные документальные данные – и верит им, но в то же время он верит и «сорочкам трем миллионам расстрелянных» Солженицына.

Именно ради воздействия на воображение, а не на разум, манипуляторы стремятся раздуть, увеличить и так огромные числа, причем увеличить их в десятки, а то и сотни раз. Само это стремление преувеличить реальную количественную меру может служить признаком манипуляции.

Вот типичное умозаключение из идеологически важной книги, вышедшей в издательстве «Наука»: «Четверть миллиарда – 250 миллионов потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 миллионов из них в ГУЛАГе». Это – пример манипуляции с числами. Что значит «250 млн. потеряло Отечество в XX веке»? Эти люди умерли? А сколько умерло в XIX веке? А за десять лет демократического режима в одной только РФ умерло 20 млн. человек, без всякого ГУЛАГа. Сами по себе все эти числа ни о чем не говорят, они лишь создают зыбкий образ как инструмент внушения.

В приведенном выше рассуждении контекст подталкивает человека к мысли, будто 250 млн. человек стали жертвой политического строя, для этого протягивается нить к ГУЛАГу. Но ГУЛАГ существовал 30 лет, число заключенных в лагерях лишь в отдельные годы превышало 1 млн. человек, смертность в лагерях составляла в среднем 3 % в год – как Отечество могло там «потерять 60 миллионов»? Доподлинно известно, например, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных, и основное число смертей пришлось на годы войны. Война была трудным временем для всех.

Пожалуй, самым большим достижением при манипуляции с числами является разрушение у человека способности «взвешивать» явления, он утрачивает *чувство меры*. Речь идет не о том, что человек теряет инструмент измерения и снижает точность, «меряет на глазок», он теряет саму *систему координат*, в которую мы помещаем реальность, чтобы ориентироваться в ней и делать более или менее правильные выводы.

Разрушительное проявление этой утраты меры выражается афоризмом «Сжег дом, чтобы изжарить себе яичницу». Это можно было видеть весьма наглядно. В 1993 г. в западной прессе прошла статья советника Ельцина, директора Центра этнополитических исследований Эмиля Паина «Ждет ли Россию судьба СССР?». Он пишет: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю».

Соизмеримы ли цель и средства? Что за «коммунизм» надо было ликвидировать, ради чего не жалко было пойти на такую жертву, как расчленение страны? Коммунизм Сталина? Мао Цзэдуна? Нет – коммунизм М.С.Горбачева, А.Н.Яковлева и Э.А.Шеварднадзе. Но ведь эти правители не тянули даже на звание социал-демократов. Они уже декларировали себя неолибералами во многих отношениях правее Тэтчер. От коммунизма у них осталось пустое название, которое они и так бы через пару лет сменили. Стоило ли их удаление с московской арены тех страданий, что означал для миллионов граждан распад страны?

Во время перестройки деформация в мышлении привела к необычной интеллектуальной патологии – утрате *расчетливости*. Произошла архаизация сознания слоя образованных людей – утрата ими того «духа расчетливости» (*calculating spirit*), который, по выражению М.Вебера, был важным признаком современного общества.

Вот пример. Телевидение чрезвычайно широко и настойчиво освещает террористические акты, показывает взорванные дома, окровавленные тела жертв, горе близких. В результате в массовом сознании создается неадекватное представление об опасности стать жертвой террористов, что влияет и на установки, и на поведение людей. Оно «программируется» этим страхом, который возбуждается средствами воздействия на сознание. Например, в отдельные годы многие миллионы граждан США отказывались от туристических поездок в Азию.

Если бы человек подошел в вопросу трезво, он мог бы легко оценить, что эта опасность на три порядка (в тысячу раз) меньше, чем вероятность стать жертвой катастрофы за рулем автомобиля. Из 15 миллионов водителей в России ежегодно гибнет порядка 1 на тысячу. От терактов в РФ гибнет в год порядка 1 человека на миллион. Но ведь люди не боятся ездить на машине.

Почему же люди не боятся ездить на машине, но боятся террористов? Прежде всего потому, что те, кто контролирует средства манипуляции сознанием, не заинтересованы в том, чтобы мы боялись автомобиля. Поэтому телевидение не показывает нам с утра до ночи изуродованные трупы жертв автокатастроф. Если бы показывало с той же интенсивностью, как и дело рук террористов, – то мы боялись бы автомобиля панически.

В условиях обширной программы манипуляция, когда разрыхляются системы психологической защиты и нарушается система координат и ориентации, данные опытом и образованием *инструменты меры* могут быть сильно испорчены. Так, к концу 80-х годов у очень большого числа людей стало проявляться явление, носящее название «*феномены Пиаже*» (Ж.Пиаже открыл его, изучая мышление детей, и описал в работе «Генезис числа у ребенка»). Заключается оно в неспособности количественно сравнивать предметы, имеющие разную форму. Так, два шарика пластилина равного диаметра кажутся детям одинаковыми. Но если их раскатать в полоски разной длины, то более длинная полоска кажется большой, а короткая – маленькой.

Пиаже нашел, что в основе этого явления лежит тот факт, что многие дети, подростки и даже взрослые люди не владеют «*принципом сохранения величины или количества*», в то время как овладение этим инструментом меры «составляет необходимое условие всякой рациональной деятельности».

Мы могли наблюдать, как это условие утрачивалось (точнее, временно «отключалось») в среде интеллигенции. В ходе реформы произошло резкое разделение по благосостоянию людей, как казалось, одного круга (например, сослуживцев). Обедневшие честные интеллигенты принимали идеалистическое толкование этого социального явления и объясняли обогащение узкого слоя чисто личными качествами этих людей – энергией, предприимчивостью, хитростью, даже непорядочностью. Благодаря этим качествам они, мол, «создали» свое богатство. Свою же бедность они объясняли тем, что «не создали» такого же богатства в силу иных личных качеств – они остались верны своей профессии, им претит заниматься торговлей, они не могут делать подлостей и т. д. Но если бы могли – то тоже стали бы богаты и, в принципе, если бы все приняли жизненные нормы и овладели навыками «новых русских», то все были бы столь же богаты. Принцип сохранения количества в этих рассуждениях отброшен¹⁷.

Внешним проявлением «феноменов Пиаже» является склонность сравнивать величину предметов по одному какому-то внешнему, выдающемуся признаку, не делая в уме структурного анализа объектов сравнения. Если бы человек в уме строил профиль существенных признаков, то о двух полосках пластилина, раскатанных из двух одинаковых шариков, он сказал бы: эта полоска больше по длине, меньше по толщине и равна другой по весу. И если бы главным признаком сравнения был бы вес полосок, то человек признал бы, что они равны.

Этот методологический дефект количественных сравнений был усилен манипуляторами и эффективно использован в идеологических целях. Например, в конце 80-х годов едва ли не большинство москвичей были уверены, что доллар как эквивалент материальных благ равноценен 10 рублям. Признаком, по которому делалось сравнение, была цена покупки на

---

¹⁷ Видимо, здесь ((феномен Пиаже) в какой-то мере играет роль психологической защиты. Люди пока не готовы к тому, чтобы взглянуть в лицо страшной социальной реальности, созданию которой они сами способствовали, и они бессознательно «отключают» инструменты рационального мышления, строя иллюзию «непонимания».

Западе и продажи в Москве бытовой электроники (например, видеомэагнитофонов). И бесполезно было в противовес этому указывать на то, что данный специфический класс товаров занимает небольшое место в жизнеобеспечении, предлагать пройтись для сравнения покупательной способности доллара и рубля по всему спектру благ. Здесь «феномен Пиаже» сам возводился в принцип – ведь тот же коллега, так удачно привезя из командировки магнитофон для продажи, ел в гостинице черствый московский хлеб, чтобы не покупать его там по доллару за булку, и московскую осетрину – чтобы не тратить 10 долларов в дешевой харчевне. Он этого не видел – подумаешь, хлеб!

Примерно так же проводилось и сравнение уровня жизни. Человек, имевший хорошую квартиру с газом, отоплением и телефоном, а также дачу под Москвой, считал себя бедняком по сравнению со своим западным коллегой только потому, что у того был автомобиль. Вспомним очень популярный фильм «Ирония судьбы». Оба его героя – врач из поликлиники и учительница – соглашаются в том, что зарплата у них меньше, чем того заслуживает их профессия. При этом они не замечают, что оба только что получили бесплатно квартиры в хороших домах.

Известно, в каком доме около метро «Юго-Западная» в Москве снимался фильм, вот и возьмем нынешнюю рыночную цену этой квартиры – 60 тыс. долларов, что эквивалентно зарплате нынешней учительницы за 100 лет. Нет, такую добавку к зарплате ни учительница, ни врач «застойного времени» не замечают. Как не замечают и того, что на ту «маленькую» зарплату они могли без большого потрясения для своего кармана полететь на самолете, взять такси и т. д. Они, как дети, не знают, что все это стоит больших невидимых денег, которые и даются им как часть платы за их труд на общее благо. На Западе полоска пластилина больше!

Важнейшее свойство расчетливости, даваемое образованием и опытом, – способность быстро прикинуть в уме порядок величин и сделать «усилительный анализ», то есть прикинуть, в какую сторону ты при этом ошибаешься. Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых абсурдных количественных утверждений, они действуют на него магически. Человек теряет *чутье* на ложные количественные данные.

Вот, например, в журнале «Коммунист» (1989, № 4) можно было прочитать такое утверждение одного из «прорабов перестройки»: «Мы производим 85 млн. т картофеля, из них в кастрюлю попадает в лучшем случае десятая часть урожая».

Автор явно намекает на то, что в нашей абсурдной экономической системе 9/10 картофеля *пропадало*. Это подмена предмета, прием манипуляции. Вовсе не весь картофель должен «попадать в кастрюлю» – значительная часть его идет на корм скоту и как сырье крахмало-паточной промышленности, не говоря уж о посадочном материале. В честном рассуждении следовало сказать: «Из той части произведенного картофеля, что предназначалась для потребления в качестве продукта питания, в кастрюлю попадало только...%».

Но вернемся к мере. Разумный человек прикинул бы главные измерения всей системы «производство и потребление картофеля» – и сразу перестал бы верить манипуляторам. Куда могли исчезнуть 9 из каждых 10 кг картошки? Ведь мы почти все бывали на уборке урожая и на овощных базах. Кроме того, основная масса картофеля производилась *на приусадебных участках*. А значит, она хранилась в погребах крестьян и понемногу вывозилась на рынки. В 1985 г. в СССР было произведено 73 млн. т картофеля. «В кастрюлю» пошло 28,6 млн. т, что составляет 39,2 % от всего урожая. Государственные закупки составили 15,7 млн. т, остальное оставалось на селе, в погребах. Там потерь практически не было: крупная картошка – в пищу и на рынок, мелкая – на корм свиньям, проросшая – посадочный материал.

Наконец, можно взять общедоступные справочники, в них есть данные и о производстве картофеля, и о потреблении в домашних хозяйствах, и об использовании в промышленности, и о потерях. Вот сведения «Российского статистического ежегодника» (М., 1998) об использовании картофеля в РСФСР в 1980 г., типичном «застойном» году. Они даны в табл.

15.59 «Ресурсы и использование картофеля (миллионов тонн)» на с. 499. Читаем: запасы на начало года – 21,7; производство – 37,0; импорт – 2,2; производственное потребление – 21,8; потери – 1,9; экспорт 0,3; личное потребление – 16,4; запасы на конец года – 20,5.

Итак, личное потребление составляло в РСФСР в 1980 г. 44,7 % от производства картофеля. И эта доля мало меняется от года к году. Потери же колеблются в диапазоне 1,4–2 млн. т в год (самые большие, выпадающие из общего ряда потери составили 3,9 млн. т). Журнал ЦК КПСС «Коммунист» говорил неправду. Но нет, одним из самых устойчивых мифов перестройки стали подобные утверждения – только они, в зависимости от «прораба», менялись в диапазоне от 30 до 90 %. Так, А.Н.Яковлев писал в 1991 г.: «Кто понес ответственность за то, что у нас каждый год тридцать-сорок процентов потерь в сельском хозяйстве, а мы все грохаем деньги в сельхозпроизводство?» Кстати, странная логика – как можно сократить потери, если не «грохать деньги»? Ведь потери происходят из-за бездорожья, нехватки хранилищ и мощностей по переработке, недостатка транспортных средств. Ликвидировать все эти узкие места стоит денег.

Но вернемся к магии чисел и утрате чутья на ложные числа. Обратимся к важной книге Н.Шмелева и В.Попова «На переломе: перестройка экономики в СССР» (1989). Она наполнена числами и может служить прекрасным учебным материалом по нашей теме. Например, в ней говорится: «Сейчас примерно два из каждых трех вывезенных кубометров древесины не идут в дело – они остаются в лесу, гниют, пылают в кострах, ложатся на дно сплавных рек... С каждого кубометра древесины мы получаем продукции в 5–6 раз меньше, чем США».

Во-первых, обратите внимание на глубокомысленное утверждение – два из каждых трех *вывезенных из леса* кубометров древесины... *остаются в лесу*. Но важнее утверждение о том, что из бревна в СССР выходило в 5–6 раз (!) меньше продукции, чем в США. Можно ли представить себе такое? Ведь это противоречит здравому смыслу. Если заглянуть в общедоступный справочник, то узнаем, что в расчете на 1000 кубических метров вывезенной древесины в СССР в 1986 г. выходило 786 плотных м³, а в США 790 м³.

Где здесь эти фантастические «в 5–6 раз меньше продукции»? Отходов при переработке древесины в США было 21 %, а в СССР 21,4 %. Вот и вся разница. Как использовать дальше эту продукцию – *деловую древесину*, зависит уже от приоритетов. Строишь дома из пиломатериалов – делаешь их больше, строишь из фанеры – делаешь больше фанеры. Много тратишь бумаги на упаковку – перерабатываешь древесину на целлюлозу.

И дело тут не в Н.П.Шмелеве. Дело в том, что читающая публика приняла эту версию про «5–6 раз» – а ведь должна была встрепенуться, если бы имела чувство меры. «Возможно ли это? Куда могло деться 80–85 % массы привезенного на лесопилку бревна?» – вот что должно было не давать покоя. Но ведь никакого беспокойства эти странные количественные данные не вызывали.

Подобного же рода количественные данные приводятся в отношении машиностроения. Читаем в той же книге: «Известно, например, что на машиностроительных предприятиях от 30 до 70 % металла уходит в стружку – в отходы». Очевидно, что это – очень сильное утверждение, снабженное численными аргументами.

Начнем с того, что само строение утверждения сразу указывает на то, что это манипуляция. Почему указан такой широкий диапазон для вполне четкого показателя – «от 30 до 70 % металла»? О чем здесь идет речь – о нижнем и высшем пределе? Минимум 30 % и максимум 70 %? В действительности достаточно взять справочник, и мы получаем точные данные, ибо отходы металлов учитываются во всех промышленно развитых странах скрупулезно, вплоть до окалины (в СССР периодически проводилась даже перепись металлического фонда). Показатель «образование металлоотходов в машиностроении и металлообработке» хорошо известен и идет в справочниках отдельной таблицей. В 1988 г. в СССР в

этой отрасли было потреблено черных металлов 91,7 млн. т, образовалось отходов в виде стружки 8,1 млн. т или 8,83 %. Какие тут 30–70 %?¹⁸

Очень сильно действуют на сознание *большие числа* – человек не может их мысленно освоить, они поражают воображение, о чем и писал И.Бунин. Так, в 80-е годы было широко распространено мнение, будто село неэффективно, потому что горожан «гоняют на картошку». Н.Шмелев и В.Попов пишут, как о чем-то ужасном: «Госкомстат сообщает, что на сельскохозяйственные работы отвлекается ежедневно в среднем 300–400 тыс. человек». Воображение поражено этой величиной. Но давайте введем меру. Итак, условно говоря, постоянно в селе работало 300–400 тыс. «привлеченных». Так ли это много? Во время пиковых нагрузок в сельском хозяйстве везде привлекают дополнительных работников – в США несколько миллионов сезонников-мексиканцев, в Испании марокканцев, а теперь латвийских и российских инженеров (они обходятся дешевле марокканцев). В СССР всего в народном хозяйстве было занято 138 млн. человек, следовательно, «отвлеченные на село» составляли 0,22–0,29 % от этого числа (или около 1 % от числа занятых в сельском хозяйстве). Это величина очень небольшая – несопоставимо с тем идеологическим значением, которое ей придавалось.

Широко распространена манипуляция с числами посредством использования *«средних» показателей*. Часто это бывает по неведению (вторичная манипуляция), но нередко имеет место и сознательное создание ложного образа. Известно, что средним числом можно пользоваться только если нет большого разрыва в показателях между разными частями целого – иначе будет как в больничной палате: один умер и уже холодный, а другой хрипит в лихорадке, но средняя температура нормальная. Это школьное правило было как будто забыто.

Вот и власти, и оппозиция в РФ утверждали, будто потребление в стране упало в результате реформы на 30 %. Это – на фоне нарастающего недоедания части населения. Если быть точными, то в 1999 г. потребление мяса и мясопродуктов в среднем по РФ составило 57,5 % по отношению к 1990 г. Спад на 42,5 %. Но ведь этот спад не распределился равномерно по всем слоям населения – он сосредоточился почти исключительно в той половине народа, которая обеднела в наибольшей степени. Значит, в этой половине потребление мяса упало на 60–80 %! А власти, оппозиция, да и широкие массы обывателей делают вид, что не понимают этой простой вещи.

Искаженный образ возникает и вследствие недобросовестного употребления *относительных* чисел без указания абсолютных величин. Например, рост относительного показателя от малых величин создает ложное впечатление. Допустим, спад производства тракторов в РФ в 1990 г. был 10 %, и рост их производства в 1999 г. был 10 %. Телевидение представило это чуть ли не как восстановление производства. Ура, идет «компенсация спада», на 10 % упало, на 10 % приросло. Но в 1990 г. спад в 10 % означал потерю в 24 тыс. тракторов, а в 1999 г. увеличение производства на 10 % означало прирост в 1 тыс. тракторов – в *абсолютном* выражении вещи несоизмеримые.

В целом манипуляция с числами, подрывая способность человека *взвешивать* явления, портит «инструменты меры» как одной из важнейших составных частей оснащения ума. Этим наносится не меньший вред возможности делать разумные умозаключения, нежели порча языка – слов и понятий.

---

¹⁸ Кстати, доля ушедшего в стружку металла (как и вообще металлоотходов) в СССР снижалась – в 1970 г. в стружку ушло 10,35 % использованного металла, а в 1988 г. менее 9 %.

§ 2. Язык образов

Воздействуя на духовную сферу человека, слово порождает многоплановый цепной процесс, обладающий кооперативным эффектом. Пробужденное словом чувство усиливает ход мысли, вызванной этим словом, а в воображении возникают и начинают жить своей жизнью *образы*.

Еще в прошлом веке Ле Бон («Макиавелли массового общества», как назвали его недавно) писал: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины «демократия», «социализм», «равенство», «свобода» и т. д. – до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл».

В другом месте он вновь возвращается к роли образов в программировании поведения: «Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ, в свою очередь, вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым... Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.